

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
СЕВ. ОКР. ПРАВ.
СОЮЗА
РАБОТНИКОВ
СВЯЗИ.

№ 11.

3-й год издания
НОЯБРЬ 1925 Г.
ВОЛОГДА.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
1905 — 1925 — <i>К. Осокин</i>	1
На зов Октября. Стихотв. — <i>Александра Мушеникова</i>	2
М. В. Фрунзе — <i>Н.</i>	3
К двадцатилетию Союза Связи: 1905 год (о забастовочном движении в бывшем Архангельск. п.-т. округе) — <i>Н. Моденов</i> . Отрывки из воспоминаний 1905 г. — <i>В. Макеев</i> . Почтово-телеграфная забастовка 1905 г. в Во- логде (из воспоминаний) — <i>Н. Дмитриев</i> . Воспоминания о п.-т. заба- стовке в Вологде в 1905 г. — <i>Вл. Шемкин</i> . Мои воспоминания (о выступлении п.-т. работников в Рыбинске, в 1905 г.) — <i>А. Олеринский</i> . Биографии участников забастовки 1905 г.	4—26
О нашей «Стопке» (несколько практических советов) — <i>М. Николин</i>	27
Союзная работа на местах: Оживим работу собраний — <i>Член союза</i> . В Красном Уголке в Уржуме — <i>Митревна</i> . Профработа в Тотьме — <i>Вас. Мишу- ринский</i> . Наши пионеры — <i>А. Б.</i> «Суждены нам благие порывы» — <i>Ожидаящая</i> . Празднование Октября в Вологде — <i>Н.</i>	29—31
Отклики с мест. Необходима связь живая — <i>Швецов</i> . Уголок Связи на с.-х. вы- ставке — <i>Н. Исупов</i> . Квалификацию «повышают» — <i>Член союза</i> . Офи- церские погоны — в ход! — <i>Надемотрицки</i> . Не потрафил — <i>Слухан</i> . «Молчать!» — <i>А. Красиков</i> . «Завтра» — <i>Дудоров</i> . Столбики считал — <i>Н. Борисовский</i> . Сорокаградусное настроение — <i>Николай Борисовский</i> . 32—35	32—35
Из писем корреспондентов	36
Литературный уголок: Бубни и Козырь. Рассказ (окончание) — <i>Николай Гладиков</i> . На электростанции. Стихотворение — <i>Н. Тощаков</i>	38
Курьезы из жизни и быта: Комсомолец-поэт. «Хорошо ласточку поет, журавля — на сосне». «Аргументы». Смекнул. «Дискуссия».	42
Отзывы о стенных газетах — <i>К.</i>	45
Хроника	46
Почтовый ящик	48

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Вологда, **Проспект Ленина**, Дворец Труда, 4-й этаж, комн. № 79.

Гублит № 198 (Вологда).

Тираж 1600 экз.

Типо-литография Акционерного Общества «Северный Печатник».

СЕВЕРНАЯ ПОЧТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Северного Окружного Правления Союза работников Связи.

№ 11.

НОЯБРЬ 1925 г.

3-й год изд.

1905—1925.

Двадцать слишком лет кануло в Лету с тех пор, как рабочие, 9 января, с попом Гапоном во главе, шли к Зимнему дворцу—искать защиты и милости у русского царя.

И милость была оказана. Тысячи рабочих оросили своей кровью улицы Петербуга...

9 января окончательно открыло глаза рабочим, что искать защиты своих интересов надо не у царя-батюшки и его чиновников, что приходится надеяться только на себя—покончить с самодержавием, выступить в открытую борьбу со своими работодателями.

И залпы выстрелов 9 января отозвались громким эхом по всей необъятной стране. Забастовоч-

Стачечное движение завершилось, в конце концов, декабрьским вооруженным восстанием.

Деревня в то время находилась в самом бедственном положении. Забитость, невежество, непосильная тяжесть податей довели деревню до крайней степени нищеты и развала. Земский начальник, урядник и поп— вот та троица, в руки которой были отданы крестьяне.

Такое угнетенное положение толкнуло и крестьян к открытым выступлениям против своих угнетателей. Почти одновременно с рабочими забастовками зашевелилось и крестьянство. Целый ряд губерний охватило крестьянское движение. То там, то здесь, выведенные из терпения, крестьяне громили и жгли помещичьи усадьбы, забирали и увозили помещичий хлеб, уводили скот, уничтожали помещичьи леса.

Но как среди рабочих, так и крестьянства,— всё это были разрозненные выступления, не было объединения, общего плана. Забастовки фабрик и заводов проводились отдельно. Отдельно и не одновременно бастовали, например, почтовики и железнодорожники. Лишь кончилась

ная волна, начиная с крупных центров, поднималась все выше и выше... К октябрю 1905 г. она разразилась всеобщей забастовкой...

Бастовали все — фабричные и заводские рабочие, бастовали пекаря и извозчики, бастовали студенты и другие учащиеся, в ноябре забастовали потельработники, в декабре остановились и железные дороги.

поч.-тел. забастовка,—вслед за нею началась железнодорожная. Все эти выступления были обособлены, не организованы. И нет ничего удивительного, если перед сильным вооруженным врагом все-же пришлось, наконец, отступить. Сила пока победила. Революция 1905 г. потерпела фиаско.

И вот реакция развернула свои щупальцы. Аресты, ссылки, расстрелы—таков был апофеоз этой борьбы.

Но это было только временное отступление перед силой. Пролетариат увидел все недочеты методов своей борьбы, увидел, что, прежде всего, для борьбы нужно объединение, организованность, сплоченность.

„Революция 1905 г.,—сказал Владимир Ильич,—является генеральной репетицией Октябрьской Революции... Без генеральной репетиции 1905 г. победа Октябрьской Революции 1917 г. была бы невозможна“...

Двадцать лет тому назад—26 октября 1905 г.—возник первый Совет Рабочих Депутатов, а ныне мы отпраздновали восьмую годовщину Великой Октябрьской Революции и двадцатилетие Революции 1905 года, после которой мы шагнули к Октябрю и к Рабоче-крестьянской Советской Власти.

К. Осокин.

На зов Октября.

Опьянела земля Октябрем,
 Но не тем, что заплакан дождями,
 Что сметает стальным рукавом
 С хмурых кленов осеннее пламя.
 Нет. Другой нас Октябрь зовет—
 Он зовет к мировым баррикадам—
 Отзывайся заводу завод
 От Нью-Йорка до Ленинграда.
 Пой! Кричи свои песни, гудок,
 Чтобы Запад твой голос услышал.
 Размахнулся ударом Восток
 В жажде сбросить тюремные крыши.
 Кто-то снова вчера был расстрелян
 За Октябрь и за лозунги Мая.
 Над могилой не зыблется зелень,
 Но в ней память живет мировая.
 Слава вечная смелым борцам—
 Тем, кто гибнет за дело Свободы.
 Лязг оков раздается с Балкан—
 Реки крови без края, без броду.
 Мы пройдем, мы найдем этот брод,
 Где-б он ни был—в Софии, в Шанхае...
 Нас Октябрь на битву зовет—
 Хлещет бурей метель мировая.
 Так смети-же, смети-же, метель,
 Стоны рабства и боли жестокой...
 Близко время—сибирская ель
 Побратается с пальмой Марокко.

Александра Мушникова.

М. В. Фрунзе.

В ночь на 31 октября не стало Михаила Висильевича Фрунзе. Союз ССР потерял в лице М. В. народного вождя, который был на самых опасных передовых постах.

Красная Армия и Флот лишились верного защитника и твердого руководителя, одного из лучших и опытных знатоков военного дела.

М. В. родился в 1885 г. в гор. Пришпеке, Семиречинской области. Отец его, по профессии — фельдшер, по национальности — молдаванин, происходит из крестьян.

С первых же лет студенческой жизни М. В. вступает в соц.-демокр. организацию, примкнув к крылу большевиков. Его активная партийная работа начинается с 1904 года.

Московские баррикады 1905 года, руководство известной стачкой текстильщиков в Ив.-Вознесенске, аресты, ссылки и, наконец, приговор к смертной казни в 1917 г. — вот те трудные этапы, какие прошел с честью революционный боец... Смертная казнь, по кассации, была заменена шестилетней каторгой. Лишь в конце 1914 г. М. В. вышел на поселение в Верхотурский уезд, Иркутской губ., а в 1915 г. — снова арестован за

своей революции М. В. стоял уже во главе подпольной революц. организации с центром в Минске. Теперь он уже руководит революционным движением в Белоруссии и на западн. фронте, проводит разоружение минской полиции и жандармерии, сам становится начальником гражданской милиции в Минске и в дальнейшем организует там Совет рабочих депутатов.

С момента Октябрьской Революции М. В. занимает самые ответственные передовые посты. Командуя разными армиями, он ликвидирует колчаковщину, семиречинскую белогвардейщину, врангелевщину, петлюровщину, махновщину.

Начиная с 3-го Съезда Советов, М. В. состоит членом ВЦИК, с 10-го Съезда РКП (б) — членом ЦК, а с 1 апреля 1924 г. — зампредом РВС СССР, и по болезни т. Троцкого, фактически руководит Красной Армией, являясь одновременно членом ЦК РКП, ЦК КП(б)У и президиума ЦИК СССР. С 26-го января 1925 г. состоит Наркомвоенмором и председателем РВС СССР.

Как мало прожито, но как много пережито. Все свои силы и здоровье М. В. положил на борьбу за рабочий класс и крестьянство.

Мир твоему праху, неутомимый боец!

Н.

создание организации ссыльных. Но через два месяца бежал из тюрьмы и работал нелегально под фамилией Василенко, выпуская, совместно с несколькими товарищами, большой еженедельный орган „Восточное Обозрение“.

Спасаясь от ареста, М. В. бежал отсюда в Россию, где попал, под фамилией Михайлова, во Всер. Зем. Союз на западн. фронт, работая здесь над созданием нелегальной организации, а к моменту февраль-

1905 год.

(О забастовочном движении в бывшем Архангельском п.-т. округе).

О забастовке 1905 г. в пределах бывшего Архангельского Округа можно найти достаточно полные сведения в журнале „Северная Почта“ (№№ 7, 8 и 9 за 1923 г.) и частично—в „Пролетарии Связи“ (№ 6 за тот же год). Но имея, под руками, поступившее в наше распоряжение дело Главного Управления Почт и Телеграфов о поч.-тел. Союзе по Архангельскому п.-т. Округу, не лишним считаем, для характеристики всего движения вообще, привести несколько документов, еще не появлявшихся в печати.

„Дело за № 181“ начинается телеграммой № 361 из Архангельска от 20/XI на имя начальника главного управления почт и телеграфов, сообщающей о весьма „храбром“ поведении начальника Вологодской конторы Краузольда и совсем „нетактичном“ поведении рядового чиновника Чулкова. Наокр Иванов пишет так:

„Сегодня возвратился из Вологды, вместе с девятью чинами, обратно. При всем старании в конторе и телефоне занятия оказались невозможными. Удостоверено губернатором. Начальник Вологодской конторы Краузольд, зная о готовящейся забастовке, в тот же день отправился на ревизию конных станций и отделений; доехав до Новленского, сообщил в Вологду о своей болезни. Чиновник вологодской конторы Чулков уехал, без моего ведома на Съезд Союза в Москву. В учреждениях Архангельской и Олонецкой губерний работают. № 36. Начальник Округа Иванов“.

Как видим, Краузольд оказался большим „храбрецом“—предпочел скрыться от шумных дел. Но и сам начальник Округа Иванов далеко от него не ушел, поспешил выбраться из Вологды, как только почувствовал колеблющуюся под ногами почву. В своем позднейшем донесении в 1906 г., от 22/7 за № 14039, т. е. через восемь месяцев после событий, он всё еще не мог опамятоваться и, раболепно оправдываясь в своей растерянности, докладывал „его превосходительству“: „...медленность донесения моего произошла потому, что сведения о действиях чинов Вологодской конторы, полученные по окончании забастовки, как добытые в поспешности, были недостаточно ясны и их необходимо было проверить лично, ранее же сделать это, вследствие бывшего в Вологодской губернии тревожного состояния населения, не вполне еще успокоившегося и в настоящее время, не представлялось возможным потому, что при поездке в Вологду, в минувшем году, я подвергал свою жизнь явной опасности и едва не был искалечен, а за намерение мое открыть телеграфное действие, во время забастовки, получил и продолжаю еще получать и в настоящее время угрозы—убить меня.

Помощник мой статский советник Лоренц, два раза ездивший в Вологду, также подвергался нападению и угрозам, со стороны одного из неприятных обратно на службу, бывшего чиновника V-го разряда Монастырева, который являлся к нему с требованием торопиться отъездом из Вологды, и, в случае неисполнения, выражал угрозы“.

Вторая телеграмма за № 475 от 20/XI в Главное Управление поступила из Петрозаводска от губернатора Протасьева о „благоразумных элементах“:

„Благоразумные элементы среди почтово-телеграфных чинов имеют видимый перевес, преждевременное применение репрессий может обост-

рительное положение. Прошу разрешения отсрочить осуществление ареста в зависимости от местных обстоятельств; этот взгляд разделяют начальник жандармского управления и прокурор“.

Но так как в верхах, в удалении, окруженные гвардией и крепкой стеной бюрократического аппарата, сидели люди более твердые, то и действия их были несколько иные, чем на местах. Сам управляющий министерством внутренних дел Дурново собственноручно, в тот же день, написал в Петрозаводск вполне определенный ответ:

„...все, которые позволили себе уклониться от лежащего на них служебного долга и проявить явно мятежнические действия, подлежат немедленному увольнению от службы, при чем впоследствии будут подвергнуты обсуждению условия увольнения. Жалованье во вторник выдать только тем, которые не оставляли службы и были всё время верны присяге. Все те, которые насилем, угрозами или подговорами произвели смуту, подлежат личному задержанию, впредь до моего распоряжения, на основании ст. 29 Положения об охране. Прошу передать всё предыдущее местному почтовому начальству“.

Через день им же были даны уже циркулярные распоряжения, шифровкой, всем губернаторам, как действовать на случай выступления почтовых через железнодорожный телеграф, но, как всегда в таких случаях бывает, эту шифровку железнодорожные телеграфисты сознательно перепутывали и, в частности, Вологодский губернатор сделать ничего больше не мог, как только вновь запросить Дурново, но уже не по телеграфу, а через артельщика, „в виду полной невозможности отправить почтой пакет“, а тем более—телеграфом. В дополнение к своему препроводительному письму (22/XI № 7168) Ладыженский (Вологодский губернатор) собственноручно, не менее других растерявшийся, уже требует от Дурново присылки хотя бы одной роты солдат. Он пишет:

„Если забастовавшие чиновники и служащие Вологодской п.-т. конторы будут замещены новыми, то я ходатайствую, во избежание могущих быть беспорядков, о присылке в г. Вологду хотя бы одной роты из Ярославля, для охраны конторы, в виду малочисленности полиции и отсутствия воинской части во вверенной мне губернии“.

Ответ Ладыженскому послан также через нарочного, но, к сожалению, текста в деле нет.

Вологодская жандармерия тоже не спала: своим секретным донесением от 17 ноября за № 2892 начальник Вологодского Губ. Жанд. Упр. сообщает в Департамент полиции:

„15 сего ноября в г. Вологде забастовали чиновники и служащие почтово-телеграфного ведомства и служащие на телефонной сети.“

По имеющимся сведениям, забастовка учинена по телеграфному распоряжению из Москвы.

Служащая на телефоне, дочь почтово-телеграфного чиновника, Александра Николаевна Ильинская, вечером этого дня, скоро бежала из почтово-телеграфной конторы на центральную телефонную станцию, видимо с целью объявить забастовку и, по приходе ее на станцию, телефон тотчас же перестал работать.

Когда может кончиться забастовка, неизвестно“.

Двадцать второго Иванов вновь доносит по телеграфу о тревожном положении:

„Получил из Вологды от заведывающего конторой Кулакова телеграмму, что чины конторы настоятельно требуют удовлетворения

содержанием по день забастовки, квартирными по первое декабря. Подъем духа сильный. Губернатор, за отсутствием войск в городе, как доносит Кулаков, за обеспечение кладовой не ручается. Ввиду этого Кулаков просит удовлетворить требование чинов. Испрашиваю распоряжения на № 21295“.

На эту телеграмму получается распоряжение Севастьянова:

„Деньги сдать в казначейство, Кулакова устранить от должности, прежние распоряжения остаются в силе“.

Между прочим, в отношении выдачи содержания забастовщикам, Костромской губернатор сообщал в Главное Управление, что он задержал выдачу содержания и на просьбы о выплате—отказал. Его действия Севастьянов нашел „вполне правильными“.

2 декабря по линии Главного Управления в Вологду идет распоряжение об увольнении без прошения Краузольда и Чулкова.

Олонецкий же губернатор в донесении своем от 28/XI за № 2333 брожение среди работников Петрозаводска рисует так:

„Считаю долгом представить Вашему Высокопревосходительству, что брожение среди служащих почтово-телеграфного ведомства коснулось также и Петрозаводской почтово-телеграфной конторы, но чиновники и служащие последней в большинстве отнеслись к этому брожению сдержанно и свое сочувствие выразили лишь тем, что, получив от Московской, Петербургской и других почтово-телеграфных контор приглашение примкнуть к организуемому союзу почтово-телеграфных чиновников, 26 октября устроили, для обсуждения этого вопроса, частное собрание, где и постановили примкнуть к этому союзу.“

После этого, в половине ноября месяца, я получил сведения, что некоторые чиновники Петрозаводской почтово-телеграфной конторы высказывались за необходимость примкнуть к общей забастовке почтово-телеграфных служащих. Течению этому, как мне известно, поддались лишь пять человек, благоразумные же элементы составляли видимый перевес. Но тем не менее, ознакомив начальника Петрозаводской почтово-телеграфной конторы с содержанием шифрованной телеграммы Вашего Высокопревосходительства от 20 сего ноября о немедленном увольнении всех почтово-телеграфных чинов, позволивших уклониться от лежащего на них служебного долга, я признал нужным предупредить, через начальника названной конторы, служащих, перед выдачею им 22 ноября жалованья, что всех, пожелавших примкнуть к забастовке, ждет увольнение со службы; а также поручил ознакомить их с последствиями, указанными в ст. 1140 и 1143 Улож. о наказ., в случае допущенного повреждения телеграфа и приостановки телеграфного сообщения.

Предупреждения эти возымели свое действие и все служащие Петрозаводской почтово-телеграфной конторы, после получения жалованья, не прекращали работы, и в настоящее время никаких волнений среди них не замечается.

При этом не могу не засвидетельствовать, что тактичность и твердость, проявленные начальником Петрозаводской почтово-телеграфной конторы г. Веселовским, много способствовали тому, что брожение служащих почтово-телеграфного ведомства не огазилось на ходе работ во вверенной ему конторе“.

В общий ход забастовки, как мы видим из дела, не могли не вмешиваться заинтересованные лица, т. е. рублем страдающие „граждане“, имеющие право непосредственного сношения с Дурново. Так, всем изве-

стный по Вологде, „почетный гражданин“ Николай Волков 3/ХІІ телеграфирует министру внутренних дел:

„Покорнейше прошу сделать распоряжение немедленно открыть почтово-телеграфное действие, новых рабочих будет с избытком, от закрытия страдает население города и уезды“.

За „почетным гражданином“ плетется мелкая сошка—просто „жители“, без подписи. Эти уже прямо занимаются доносительством из-за угла. Но так как все доносители люди крайне „скромные“, то они не рискнули указать свои фамилии, подписавшись: „С истинным почтением жители г. Вологды“. Сколько за этой подписью скрывается „жителей“,—мы отгадывать не будем, текст же письма довольно красноречив:

„Его Превосходительству Г-ну Севастьянову. М. Г. В Вологде надсмотрщик телефонной сети Пантелеев был главным подстрекателем к забастовке, как на почте, так и на телефонной сети, а поэтому покорнейше Вас просим это дело дать расследовать и Пантелеева, уволив со службы, предать суду. С истин. почт. жители гор. Вологды“.

В ответ на письмо „жителей“, Севастьянов приказал Пантелеева уволить.

4 декабря от Иванова поступают две телеграммы о событиях в Вологде. В первой телеграмме сообщается, что „Вологодский губернатор телеграфирует, что чины и служащие Вологодской конторы решили приступить к занятиям, ходатайствую о принятии всех на службу. Испрашиваю разрешения принять обратно всех уволенных, кроме ездившего депутатом в Москву чиновника Чулкова, телефонистки Ильинской. И во второй — передается донесение заведывающего Вологодской конторой: „Чины конторы почтительнейше просят оставить на службе, без подачи вновь прошений, выдать жалованье за дни забастовки, с оставлением всех на службе в Вологде. Для ускорения открытия почтово-телеграфных операций, заведывающий конторой ходатайствует об удовлетворении просьб чинов. Уволенным чинам высланы документы через полицию, но не получены ими. Через заведывающего предложено подавать прошения с представлением документов. Подавших прошения поручено безотлагательно допускать к занятиям. Испрашиваю распоряжения“.

Пятого числа, о том же самом пишет губернатор Ладыженский:

„Все служащие Вологодской почтово-телеграфной конторы желают приступить к занятиям: документы им еще не выданы, начальник Округа требует подачи каждым из них прошения. Принимая во внимание невозможность приискания новых служащих и громадное накопление корреспонденции, ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством о разрешении служащим немедленно, без прошений, приступить к занятиям“.

Восьмого уже числа сообщается, что контора начинает работать:

„Сегодня открыты операции в Вологодской почтово-телеграфной конторе. Допущены к занятиям двадцать семь чиновников, почтальонов двадцать два, рассыльных и сторожей девять. Занятия происходят под охраной полиции. Вологодская телефонная сеть начала действовать при трех чиновниках, одном надсмотрщике“.

А на утро летит новое сообщение о новых перебоях:

„Сегодня вечером, в 10 час. 50 мин., вологодский дежурный заявил, что в контору вошли делегаты рабочих, требуя прекращения работы, предупредив, что иначе толпа рабочих будет направлена на контору и будет стрелять, затем, в 11 часов, заведывающий Вологодской конторой донес, что силою рабочих занятия в конторе прекращены“.

Об этом летит в Питер от начальника Округа Иванова тревожная телеграмма Нач. Глав. Управл. Почт и Телеграфов такого содержания: „Сегодня в 10 час. 50 мин. утра заведывающий Вологодскою конторою донес, что полицеймейстер предупредил, что большая партия рабочих намерена снять чинов конторы с занятий, около 12 часов дня. Выслать для охраны войска—боятся побоища. Действие конторы продолжалось до 2 часов 20 мин. дня, когда получено донесение, что депутаты рабочих потребовали прекратить занятия на телеграфе на неопределенное время. На отправку по трактам остальной почтовой корреспонденции дан срок до вторника. Скопившаяся почтовая корреспонденция большею частью уже отправлена в Архангельск по тракту Вельск—Шенкурск со сверхурочными почтами. Петербургская, Московская, Рыбинская, Череповецкая—на почтовый вагон № 280. Мною поручено заведывающему Вологодскою конторою распорядиться соединением провода № 210 с Ярославем, чтобы Архангельск мог производить обмен корреспонденции. Об оказании помощи об охране просил губернатора, который словесно по телефону передал заведывающему конторою, что требование рабочих необходимо исполнить. Сегодня будет собрание о самообороне. Действие почтово-телеграфной конторы будет производиться под защитою“.

На этой телеграмме имеется резолюция Дурново:

„Телеграфируйте немедленно в Вологду губернатору, правда ли, что он приказал исполнить требование мятежных рабочих. Скажите, что необходимо всеми мерами поддерживать власть, а не отдавать государственные учреждения в распоряжение толпы“.

Эта резолюция, 12 декабря, была сообщена из Петербурга шифрованной телеграммой губернатору Ладыженскому.

Десятого вновь сообщается о возобновлении работы:

„Операции в Вологодской конторе сегодня возобновились. Губернатором обещана охрана конторы нижними чинами конвойной команды“.

Мы уже знаем из „Северной Почты“, что 11 и 12 декабря возобновленные работы срываются силой рабочих. Нормальная работа в Вологде восстановилась 14 декабря.

Об общем ходе забастовки в деле имеется длинный доклад Иванова, но приводить его здесь находим излишним, ибо сущность его изложена, в общих чертах, в статье „Забастовка в 1905 г. в пределах Архангельского п.-т. Округа“ (№№ 7, 8 и 9 „Сев. Поч.“ за 1923 г.).

Выписки из этого доклада Севастьяновым пересланы в знаменитое 3-е отделение, откуда и пошли все дела о судимости и подсудности.

Когда страсти несколько поулеглись и жизнь начала входить в привычную колею—„дави“ и „не пущай“,—большинство уволенных и отстраненных—с прошениями и без прошений—отшатнулись и отреклись от движения, принесли свои покаяния „их превосходительством“. Наиболее характерным из них будет „прошение“ делегата Съезда К. Чулкова. Это прошение от 9 января 1906 г. гласит следующее:

„В конце октября прошлого года, по инициативе Москвы, в целях улучшения экономического быта и правового положения п/т. чиновников, образовался союз.

Устав этого союза и программа экономических требований были напечатаны в одном из номеров газеты „Вечерняя Почта“. В той же газете было разъяснено и юридическое обоснование этого союза, как союза, основанного на началах, провозглашенных в манифесте 17 октября.

Вслед за крупными п/т. конторами, примкнула к этому союзу, почти в полном составе, и Вологодская п/т. контора. Местная организация союза развивалась совершенно открыто, и можно думать, была известна нашему окружному начальству, находящемуся в городе Архангельске. Отсутствие противодействия давало основание верить в полную легальность этого союза. В Вологде устраивались митинги, на которых обсуждалась, главным образом, экономическая программа союза. По телеграфу же велась широкая пропаганда. Для руководства делами союза был избран местный комитет. В заключение на общем собрании был выбран делегат, для участия в делегатском съезде, созванном в Москве, в половине ноября прошлого года.

Большинством голосов этим делегатом был избран я. По некоторым соображениям (чисто семейным и отчасти служебным) я отклонил от себя эту миссию и просил собрание отправить делегатом чиновника, получившего следующее за мной большинство голосов.

Но мои товарищи, довольно недвусмысленно упрекая меня в трусости и нежелании постоять за общее дело, настойчиво требовали поездки моей в Москву, гарантируя (как оказалось только на словах) мою полную неприкосновенность.

Оскорбленный этими несправедливыми упреками, я решился подчиниться общему решению, настаивая только, чтобы из программы местных требований была целиком исключена политическая сторона, и в особенности так называемая „политическая платформа“. Что касается забастовки, то с этим сильным боевым средством, поражающим общественные интересы, решено было обращаться крайне осторожно. В этом смысле и был составлен надлежащий протокол.

В Москву я прибыл 14-го ноября вечером. Но уже утром этого дня, Съезд, в немногочисленном собрании делегатов, по неблагоприятному стечению обстоятельств, принял боевое направление и, повидимому, уже предрешил забастовку.

В заседании 15-го ноября, при обсуждении этого вопроса, раздавались лишь редкие протестующие голоса, упрекавшие вчерашних участников заседания в легкомыслии и излишней поспешности принятого решения. Но эти немногие были заглушены боевым большинством и были вынуждены ему подчиниться. Забастовка была объявлена. Дальнейшие заседания посвящались политическим вопросам. Я, в числе немногих, не имея надлежащих полномочий от своих товарищей, в решениях Съезда или примыкал к подавляющему большинству или уклонялся от голосования.

Вышеизложенное достаточно выясняет мою роль, как делегата. За вынужденное участие в этом съезде, я был подвергнут жесткому административному взысканию—увольнению от службы по 788 ст. Уст. о сл. гражд. Считая свою делегатскую роль, в данном случае, более чем скромною, я беру смелость обратиться к Вашему Превосходительству, не найдете ли Вы возможным ходатайствовать перед г. министром внутренних дел о реабилитации моих прав гражданской службы и принятии меня вновь на службу по почтово-телеграфному ведомству“.

Губернатор Ладыженский внял просьбе Чулкова и лично возбудил ходатайство перед Дурново о прощении и приеме „просителя“, мотивируя прощение тем, что „ни в каких забастовках, если бы таковые и возникли, он участвовать более не будет“. Однако, как ни унижался Чулков,—прошение „приказано оставить без последствий“.

Не менее унижительные прошения уже к „его императорскому величеству“ исходили от чиновников Ф. Попова и Н. Серебрякова, по ошибке уволенных не в 1905, а в 1908 г. Эти прошения тоже оставлены без последствий.

Возбуждали вопрос о помиловании Золотилов М. и Гефле М. — „ввиду полного сознания своей вины“, М. Чулкова — „ввиду совершенно пассивного участия“ в забастовке. Шемякин, Дмитриев и др. тоже представляли прошения, но дело не двигалось дальше резолюции об отказе.

Иванов, между прочим, писал:

„Представляя Вашему Превосходительству документы бывших почтово-телеграфных чиновников Вологодской конторы: IV-го разряда — Чулковой, V-го разряда — Гефле и VI-го разряда — Золотилова и Шемякина, доношу, что во время забастовки, бывшей в Вологодской конторе с 15-го ноября по 7 декабря минувшего года, особенно деятельное участие принимал бывший чиновник III-го разряда Чулков, ездивший в качестве делегата в Москву, где пробыл около 20-ти дней, присылал оттуда известия, приглашающие к продолжению забастовки. Жена его, чиновник IV-го разряда Мария Чулкова, по отзыву заведывающего Вологодской конторой, надворного советника Кулакова, участвовала в союзе и забастовке и ввиду производимых ею между чинами смут и вносимого в среду чинов раздора, по ходатайству заведывающего конторою, обратно на службу в Вологду принята не была.

Вследствие этого, а также ввиду исключительно вредной деятельности, проявленной во время забастовки ее мужем, бывшим почтово-телеграфным чиновником III-го разряда Чулковым, указаниями которого, несомненно, она и руководствовалась, просьба г-жи Чулковой об обратном приеме ее после забастовки была отклонена.

Почтово-телеграфный чиновник V-го разряда Гефле, по окончании забастовки, к занятиям не приступала и вместе с другими чинами прошения об обратном приеме не подала, а напротив настаивала, чтобы и другие чины продолжали забастовку.

Впоследствии г-жа Гефле подавала прошение об обратном приеме, но таковое, ввиду вредных действий ее во время забастовки, осталось не удовлетворенным, к тому же тогда и не было в Вологодской конторе свободных вакансий.

Почтово-телеграфные чиновники: VI-го разряда Михаил Золотилов и Владимир Шемякин во время забастовки действовали вместе с Гефле, Монастыревым и Федором Поповым, как одни из главных подстрекателей. Золотилов, при начале забастовки, дозволил себе, вместе со своими единомышленниками, угрожать чинам, продолжавшим еще заниматься в почтовом отделе конторы, и требовать скорейшего прекращения занятий, а затем Золотилов, вместе с Шемякиным, принимали деятельное участие в уговаривании прочих чинов конторы примыкать к забастовке и были в числе главных агитаторов забастовки, позволяли себе устраивать в помещении конторы бурные сцены, пели марсельезу и, по окончании забастовки, к занятиям не приступили в числе только шести человек.

После замещения вакансий Золотилов и Шемякин подавали прошения о принятии их вновь на службу, но принимая в соображение вредную деятельность этих чиновников во время забастовки, прошения их не были удовлетворены и в принятии на службу им было отказано, вследствие неимения вакансий.

Все эти чиновники, как г-жи Чулкова и Гефле, так Золотилов и Шемякин, зарекомендовали себя очень неодобительно, а потому и принимая во внимание вредные действия и отношение их к службе и чинам, во время бывшей забастовки, а также и ввиду неимения в настоящее время свободных вакансий, позволяю себе ходатайствовать перед Вашим Превосходительством прошения названных лиц оставить без удовлетворения, тем более, что начальник Вологодской конторы доносит, что между некоторыми из чинов конторы он замечает как бы брожение, которое им усматривается в недостаточно усердном отношении к службе, выражающемся в неаккуратной явке на дежурство и в склонности к заболеваниям, без достаточно основательной причины.

К устранению этого, мною неупустительно приняты меры, и для усиления штата конторы прикомандированы несколько чиновников и учеников из ближайших к Вологде учреждений, с производством им ученического пособия“.

Интересная переписка по этому же вопросу произошла у А. Ильинской с „его превосходительством“. Она подала прошение о приеме, где, между прочим, указано: „ввиду Вашего распоряжения о принятии всех забастовщиков, прошу о приеме и меня“. Такого распоряжения, конечно, не было, о чем и наложена резолюция. Но ей, не отвечая по существу, предложили представить две марки по 75 коп. Ильинская пишет в ответ: „марки представляю, как только получу первое жалованье при поступлении на службу“. Ей отвечают, что без марок прошения рассматривать не будут. Тогда она пишет: „Прошу возвратить мои документы, не рассматривая, так как марок я вам не пришлю. Не стоит“.

В результате всех трудов и „любезных“ переписок, через пять лет в „Русском Слове“ от 29/1 мы читаем:

„Дело почтово-телеграфного союза, (по телеграфу от нашего корреспондента).

Вологда 28/1. В палате началось слушанием дело о почтово-телеграфном союзе. На скамье подсудимых—присяжный поверенный Макеев и 13 бывших чиновников. Свидетелей явилось 43. Защищают присяжные поверенные: московский Мандельштам, местные—Сигорский, Александров, Троицкий, Виноградов и Тихановский. Дело продлится несколько дней. Публика допускается по билетам. Последние розданы незначительному числу „избранных“.

„Вологда 28/1. По делу почтового союза сегодня допрошено 26 свидетелей, остается 17. Ввиду истечения более пяти лет со времени инкриминируемого деяния, многие свидетели многое запамятовали. Двое умерли. Устанавливается мирный характер забастовки. Один из важнейших свидетелей со стороны обвинения—помощник начальника почтовой конторы—заявляет, что 15-го ноября 1905 года, около семи часов вечера, по получении известий из Ярославля о начавшейся забастовке, все чиновники мирно ушли из конторы. Никаких угроз не было. Требования выставлялись экономические. О союзе чиновников свидетель не слышал“.

„Вологда 29/1. После трехчасового совещания палата вынесла приговор: присяжный поверенный Макеев приговорен на три года, Караянова на три месяца, Чулков на месяц в крепость; Дмитриев, Монастырев и Пантелеев—на шесть месяцев в тюрьму; восемь оправдано“.

Пом. начальника конторы Кулаков „всё забыл“—даже свои донесения.

Так закончилось дело о почтово-телеграфном союзе Архангельского Округа.

Н. Моденов.

Отрывки из воспоминаний 1905 г. *).

20 лет прошло с тех пор.

Как мало прожито, как много пережито. От полуфеодальной деспотии страна поднялась до социалистической республики.

Дело истории—всесторонне осветить и уяснить этот пройденный путь. Скромная роль нас—современников великих событий и достижений, по мере сил и возможности, точно установить факты и передать впечатления.

9 января 1905 года я был в Москве. Весть о расстреле в Петербурге мирной толпы была получена в Москве в тот же день. Сообщение это произвело ошеломляющее впечатление зверством расправы и количеством жертв.

Всем, кто питал еще какие-либо надежды на улажение мирным путем взаимоотношений между царем и народом, 9 января раскрыло глаза. Царь и окружающие его феодалы не желали поступиться ни единым грошем из своих колоссальных доходов, что как дань собирали с Великой Страны. Они не желали поступиться ни малейшей крупичей своей неограниченной власти, с помощью которой они держали в повиновении великий народ и выжимали из него все соки.

Расстрел 9 января громко кричал рабочим и крестьянам: „Довольно надеяться! Довольно просить! Объединитесь и берите то, что вам принадлежит!“

Следующие за 9 января месяцы были месяцами пробуждения народного сознания, месяцами собирания сил и нарастания боевых настроений, главным образом, среди рабочих масс. То, что было посеяно 9 января царем и его зарвавшимися приближенными, дало всходы в октябре 1905 года.

В октябрьскую забастовку мне также пришлось быть в Москве. Передать факты и впечатления исторических октябрьских дней, пережитых Москвой, в короткой заметке нельзя. Поневоле приходится ограничиться самым главным.

Всеобщая забастовка в Москве—это совсем не то, что забастовка в Вологде или каком-либо другом провинциальном городе. Обыватель провинциального города при всеобщей забастовке чувствует некоторое неудобство, но жизнь города не замирает—обыватель может обойтись и без извозчиков, и без пекаря, и без электричества, и без всякого рода других удобств.

Не то в Москве. Встал трамвай, перестала ходить конка—и москвичи оказались отрезанными друг от друга. Забастовали пекаря—и встал перед большинством обывателей вопрос: где взять хлеба? Забастовало электричество—сиди в темноте. Одним словом, всеобщая забастовка в Москве—это прекращение жизни громадного города. Для обывателя—это голодовка, масса лишений. В дни всеобщей забастовки, даже днем, по Москве было слабое движение. На самых людных улицах, площадях, вместо двигающейся толпы,—отдельные немногие пешеходы. По мере сгущения сумерек, улицы Москвы пустели. Погружалась Москва в темноту—и на улицах почти никого. Не только улицы не освещены—

*) Настоящая статья принадлежит перу В. Макеева, которой в 1905 г. был в Вологде присяжным поверенным и принимал деятельное участие в поч.-тел. забастовке. Снимок и биография В. Макеева помещены в настоящем номере журнала.

нет света в окнах домов. Даже там, где сидели с керосиновой лампой или свечей,—окна завешены и света не видно. Двери подъездов, ворота, калитки—всё на запоре. Город—как зачарованный. Темные каменные громады мрачно высятся по сторонам темных пустынных улиц. Жутко было в то время ходить по Москве. Жутко чувствовал себя обыватель за стенами темных громад.

И обыватели, и борющиеся стороны—царское правительство и забастовщики—понимали, что долго такое положение длиться не могло. При упорстве правительства забастовка стихийно должна была перейти в вооруженное восстание. Для предотвращения восстания царь издал кудрый манифест 17 октября и в то же время выпустил громил—черную сотню. Манифест разбил ряды бастующих. Черная сотня подлила масла в огонь. Октябрьская забастовка прекратилась. Москва стала готовиться к декабрьскому выступлению.

Из всего виденного, пережитого в Москве, напрашивается вывод, что всеобщая забастовка при упорстве борющихся сторон обязательно должна перейти в вооруженное восстание. Тот, кто допускает, как средство борьбы трудящихся, всеобщую забастовку, должен знать, что естественное продолжение ее есть восстание. Декабрь подтвердил это.

В Вологду я приехал с первым вышедшим из Москвы поездом. В Вологде жизнь также была взбаломучена, как и в Москве. Как и в Москве, на виду у всех организовывалась и начала действовать черная сотня. Не дремали и забастовщики. Они понимали и знали, что дело манифестом 17 октября далеко не кончено и готовились к следующему выступлению. Главным оплотом, главной силой в Вологде являлась, в то время еще немногочисленная, группа рабочих вологодских железнодорожных мастерских, в большей своей части состоявшая из прибывших в Вологду питерских рабочих. Но не только у рабочих, а и у трудовой интеллигенции и даже у забитого чиновничества и большей части обывательской массы в Вологде настроение было боевое.

Это общее настроение сказалось и на служащих Вологодской почты, телеграфа и телефона. Поэтому, когда 15 ноября 1905 года телеграф принес весть о начавшейся почтово-телеграфной забастовке в Москве и Ярославле, почти все работники Вологодской конторы забастовали. Забастовка протекала дружно и с большим подъемом. Но у забастовщиков оказалось слабое место: это 20 число—время получения жалованья. Почтово-телеграфное начальство не дремало и распорядилось приостановить выдачу жалованья забастовщикам.

Пришло 20 ноября—жалованья не дают. Это вынудило забастовщиков, с одной стороны, предъявить своему начальству дополнительное требование о выплате жалованья, хотя бы по день забастовки и, с другой стороны,—искать поддержки на стороне. Жалованья не дали, а поддержка была оказана. Был создан комитет помощи почтово-телеграфным забастовщикам, немедленно было собрано несколько сот рублей и немедленно же было приступлено к распределению этих денег среди забастовщиков.

Кроме того, в моей тогдашней квартире—в доме № 17 по Б. Октябрьской ул., было созвано общее собрание забастовщиков. На собрании было объявлено об организации материальной помощи и разъяснена необходимость—продолжать забастовку. Собрание постановило забастовку продолжать. Забастовка, действительно, продолжалась до 8 декабря.

В это время в Вологде началась железнодорожная забастовка и 11 декабря, по категорическому требованию забастовочного комитета, работа в почтово-телеграфной конторе была прекращена и контора не работала до окончания железнодорожной забастовки.

Разгромлена была Красная Пресня в Москве. Кончилось декабрьское движение в Вологде. Спала волна восстаний и забастовок по всей стране. Но трудящиеся массы не были разбиты. Революция не сдалась, она принуждена была отступить и отступила, чтобы снова собрать силы, выждать удобный момент и раздавить своего врага.

Октябрь 1917 года есть завершение декабря 1905 года.

В. Макеев.

Почтово-телеграфная забастовка 1905 г. в г. Вологде.

(Из воспоминаний).

В таких провинциальных городах, как Вологда, брожение перед 1905 г. назревало медленно. Война и ее неудачи постепенно открывали глаза почтово-телеграфным служащим, основная масса которых довольно резко делилась на две части — почтовых и телеграфных. В первой — большинство служащих составляли по преимуществу старые работники, среди которых, за исключением нескольких человек, трудно было найти активных лиц. Телеграфный состав, наоборот, состоял из более активных молодых товарищей. Здесь было шире поле для наблюдения и здесь скорее накапливалось недовольство и выросал дух протеста.

Но и среди молодежи были слабо развиты общественные интересы, большинство из них почти не читало газет. Изнуренная непосильной работой в течение суток, молодежь спешила домой отдохнуть, или пропивала последние гроши. Постепенно, исключительные события, связанные с постоянными поражениями на войне и известные каждому из них по непосредственной работе с многочисленными агентскими телеграммами, невольно останавливали внимание, заставляя задумываться над ними.

Назревала революционная волна 1905 г. Такие события, как убийство Плеве, в июле 1904 г., 9 января 1905 года, убийство великого князя Сергея Александровича Романова, положение о Булыгинской законосовещательной госуд. думе, не могли пройти бесследно и вызвали не мало толков и рассуждений.

Постепенно образовалась активная группа из четырех лиц (Высоковский, Пантелеев, Монастырев, Дмитриев), признававшая необходимость какой-то общей профессиональной организации, в которую следует втянуть всех товарищей.

В период предшествовавший октябрьской забастовке 1905 года и во время ее, параллельно с московской нелегальной организацией, вологодская группа, пополнившись новыми товарищами (до 10—12), занялась самостоятельной разработкой вопросов, связанных с улучшением положения служащих, не имея пока никакой связи с другими организациями.

Учитывая общее положение, было решено на первых порах проявить себя путем различных выступлений по улучшению общего служебного положения, справедливо рассчитывая привлечь этим на свою сто-

рону ряд других более энергичных товарищей. Начались переговоры с бывшим тогда начальником Вологодской почтово-телеграфной конторы К. Е. Краузольд об улучшении условий труда во время ночных дежурств, появились и другие подобные требования. К. Е. Краузольд был очень строгий и требовательный, но, в сущности, — терпимый администратор того времени. После ряда возражений, озадаченный предъявленными требованиями, он пошел на уступки и согласился с ними. Часть их была осуществлена, а относительно других, он возбудил личное ходатайство перед начальником Архангельского почтово-телеграфного округа, Ивановым, приезжавшим в Вологду.

Октябрьские дни и выступление московских товарищей значительно облегчили и ускорили процесс организации почтово-телеграфного союза в Вологде.

Труднее всего было втянуть в организацию союза старых почтовых служащих (чиновников), почтальоны, как и следовало ожидать, шли на организацию союза более охотно, но все же очень боялись возможности увольнения со службы. Здесь сказалась полная оторванность одних служащих от других, в силу условий службы, не дающая возможности общения друг с другом.

Обычные приемы агитации, особенно со стороны нас, молодых тогда товарищей, были совершенно не действительны. Это был какой то особый замкнутый мирок. Для того, чтобы поднять их, нужно было найти популярных и пользующихся вниманием и доверием лиц из их среды. Такие лица нашлись. Это были Ан. Беляев и К. А. Чулков.

При получении первых сведений об организации п.-т. союза в Москве, начальник конторы растерялся, не зная какую позицию он должен занять по отношению к союзу. Он учитывал по предыдущему опыту выступления телеграфных служащих, что союз в Вологде имеет много сторонников, но цели и задачи союза ему не были известны и он, несмотря на свое видимое сочувствие к союзу, боялся возможных осложнений. Для того, чтобы выяснить, что это за союз и какие он преследует цели, Краузольд попросил поехать в Москву одного из ответственных по работе в почтовом отделе товарищей — К. А. Чулкова, разделявшего идею о необходимости организации почтово-телеграфного союза.

Путем этой поездки была установлена связь с московскими товарищами и, вместе с тем, К. А. Чулков, пользовавшийся популярностью в среде почтовых служащих, сумел привлечь их к участию в союзе.

В начале ноября, на квартире одного из товарищей, собралось большинство служащих и, после обсуждения проекта устава и программных требований, решено было организовать отделение союза в Вологде, был избран комитет и была послана центральному бюро телеграмма об организации союза. В комитет вошли: т. Чулков — председатель, секретарь — Дмитриев; члены: Монастырев, Пантелеев и, насколько я помню, почтальон Курицын.

Первыми мероприятиями отделения союза было осведомление всех уездных товарищей об организации отделения п.-т. союза в Вологде.

Дальнейшие события начали разворачиваться довольно быстро. Министерство Витте-Дурново решило расправиться с быстро нарождающимся союзом. Посыпались циркуляры начальника главного управления почт и телеграфов, Севастьянова.

Первый циркуляр гласил о запрещении вступать в союз, с указанием, что лица, состоящие в нем, не будут терпимы на службе. Второй цирку-

ляр разъяснил почтово-телеграфным служащим, что манифест 17 октября не имел и не мог иметь в виду лиц, состоящих на государственной службе, связанных присягой и в силу сей присяги, (говорилось в нем), обязанных подчиняться по служебным делам, установленным в законе, условиям дисциплины.

Этот циркуляр имел различное действие на служащих. Несколько старичков опасливо покачивали головами и начали говорить о том, что из союза надо уйти, но эти голоса все же тонули в общей массе голов, которые никоим образом не хотели соглашаться с тем, что права на свободу, очевидно, к ним не относятся и решили твердо бороться за них.

На 15 ноября в Москве назначен был созыв Всероссийского съезда почтово-телеграф. союза. Одним из вопросов программы съезда был вопрос о степени неотложности почтово-телеграфной забастовки, а также —должна ли эта забастовка объявляться одним почт.-телеграф. союзом, или ее необходимо согласовать с другими организациями, союзами и партиями.

Делегатом от Вологодского отдела союза был избран т. Чулков. На этом же собрании по вопросу о забастовке было принято довольно неопределенное решение, что забастовка применима, как крайняя мера борьбы. Хотя настроение служащих было довольно напряженное, но далеко не всем было ясно, что решительная борьба неизбежна. Многие из товарищей были уверены, что до забастовки дело не дойдет. Но в действительности события развернулись иначе и быстрее, чем их ожидали. Накануне созыва съезда были уволены трое наиболее активных организаторов союза в Москве. Часть успевших приехать на съезд делегатов по этому поводу послала Витте ультимативную телеграмму. В телеграмме было указано, что съезд не считает своих товарищей уволенными и рассматривает эту меру, как вызов и провокацию и, апеллируя к общественному мнению союзов пролетариата и крестьянства, заявляет, что если в течение 12 часов это намеренное обострение министра внутренних дел Дурново не будет предупреждено, то съезд снимает с себя ответственность за забастовку.

Днем 15 ноября текст этой телеграммы был известен во всех почтово-телеграфных учреждениях. Срок ответа истек в 6 часов.

Дежурная смена, в которой я был, вступила на работу как раз в этот день с 2 часов. Несмотря на начавшиеся репрессии против организаторов союза, у товарищей была сильная вера в союз и уходившая смена, ознакомив нас с телеграммой, говорила, что бастовать не придется.

Работы было немного. Обдумав положение и получив сообщение из Москвы через Ярославль, что съезд одобрил посланную телеграмму, мы решили к 6 часам непременно закончить всю работу, чтобы не оставить не переданными ни одной телеграммы.

Ровно в 6 часов с последней входящей телеграммой было получено сообщение:

„Ответа от Витте о принятии уволенных не получено. Бастуйте. Съезд продолжается“.

Смена тотчас же прекратила, без колебаний, работу, сообщив телеграмму всем соседним станциям. Убеждения, явившегося в этот момент, заведывающего телеграфом и помощника начальника конторы Кулакова не имели успеха. Смена решила твердо бастовать и дождалась 8 часов, чтобы вступить в соглашение по поводу забастовки с проходящими на смену дежурными, а затем—уведомить всех остальных товарищей и из

брать особых дежурных для наблюдения за телеграфом и получения возможных срочных сведений о ходе работ съезда через железнодорожный телеграф, который в забастовке не участвовал.

В почтовом отделе в это время шла заделка почты. Часть наиболее горячих товарищей спустилась в нижний этаж и потребовала немедленно закончить работу. Начались столкновения, которые скоро удалось ликвидировать. Почтовики отправили почту, приняли поступившие на телеграфе денежные сборы и, закончив все свои операции,— разошлись. Состоялось решение непременно иметь обычный караул у денежной кладовой и, если придет полиция, заявлять, что мы, мол, не знаем—когда забастовщики должны приступить к работе, но, что считая себя ответственными перед всеми гражданами за имеющиеся в кладовой ценности, мы будем охранять их во все время забастовки, независимо от полиции.

Незначительная часть почтовых служащих была уверена, что завтра же начнутся занятия, и к забастовке отнеслась отрицательно. Но, тем не менее, наступивший следующий день, когда они пришли на занятия, поставил их в необходимость подчиниться воле большинства.

Часть товарищей в уездных почтово-телеграфных конторах, повидимому, также забастовала. Наиболее активно протекала забастовка в Великом Устюге, входившем тогда в состав Вологодской губернии. Из окружающих городов, имевших непосредственное сношение с Вологдой, не участвовал в забастовке г. Архангельск, т. к. там организации союза не было. Здесь, повидимому, имело значение присутствие начальника округа. В течении забастовки, неоднократно и безуспешно, пытался работать с Вологдой Петербург. Там была введена на телеграф саперная рота.

Для комитета было совершенно ясно, что несмотря на изолированность со стороны Ярославля, забастовка обязательно прекратится, как только почта и телеграф будут заняты полицией и товарищи будут лишены возможности устраивать собрания и иметь общение между собой. Поэтому комитет союза поставил своей задачей принять все меры к тому, чтобы помешать таким попыткам.

Пришлось не раз вступать в переговоры с полицеймейстером (Дробыш-Дробышевский) и доказывать ему, что спокойно проходящая забастовка, при вмешательстве дежурившей в здании полиции, может принять совершенно иной вид и что ответственность за это, прежде всего, падет на него. Эти заявления оказывали свое действие, полиция не вмешивалась в происходившие собрания и, несмотря на отсутствие всякого опыта и общей организованности, почтово-телеграфная забастовка в Вологде протекала все же довольно дружно.

Начальник округа Иванов имел попытку к ликвидации забастовки. С этой целью он выезжал с окружными чиновниками в Вологду, но доехал только до станции Сухона и позорно бежал обратно в Архангельск. На подробностях этой поездки останавливаться не будем, т. к. на страницах „Сев. Поч.“ не раз об этом печаталось.

Вслед за этим мы узнали по телеграфу, от архангельских товарищей, что все служащие Вологодской п.-т. конторы с 15 ноября уволены за участие в почт.-тел. забастовке.

Впоследствии, когда члены комитета союза и наиболее активные участники забастовки были отданы под суд (в начале 1908 г.), следователем по важнейшим делам, Белецким, была сделана настойчивая попытка привлечь организаторов забастовки по II части 126 статьи Уголовного

уложения—за принуждение служащих к забастовке путем угроз, а также за намерение оказать вооруженное сопротивление попытке начальника округа Иванова ликвидировать забастовку. К нашему благополучию, 126 ст. была заменена потом более легкой 125 ст., по которой привлечены были организаторы союза в Москве.

В конце ноября приехал из Москвы наш делегат К. А. Чулков и сообщил, что забастовка протекает довольно дружно, и снова уехал в Москву для участия в работах съезда.

После бесславной попытки Иванова ликвидировать забастовку, комитету союза пришлось заняться вопросами об организации помощи бастующим товарищам, так как у многих, и особенно у семейных, была вопиющая нужда. Широкие, так называемые, общественные круги в Вологде отнеслись к почтово-телеграфной забастовке, за единичными исключениями, вполне сочувственно. Они еще не были напуганы революцией и ждали от нее осуществления буржуазных свобод. Это было видно хотя бы из того, что вскоре начали поступать сборы и пожертвования в пользу забастовавших.

Дружное течение почтово-телеграфной забастовки в Вологде было во многом обязано присяжному поверенному В. Ф. Макееву, а также и другим лицам, принимавшим участие, главным образом, в организации материальной помощи, в устройстве концерта в пользу бастующих в Народном Доме (ныне—Дом Революций). В наиболее трудные моменты В. Ф. Макеев не раз принимал участие в собраниях бастующих товарищей в здании почтово-телеграфной конторы, а также устроил одно собрание у себя на квартире.

Несмотря на значительный приток пожертвований, отпуск продуктов питания в кредит в нескольких лавках, организованный также при участии В. Ф. Макеева, все это не могло полностью удовлетворить нужду бастующих товарищей. Настроение наиболее нуждающихся резко менялось. Под влиянием нужды, часть товарищей решила, во что бы то ни стало, получить заработную плату за 15 дней ноября. Осуществление этой меры лично мне, а также и некоторым другим членам комитета казалось совершенно безнадежным мероприятием. Тем не менее, уклониться от осуществления этого предложения было невозможно. Создавалось очень тяжелое и острое положение, грозившее расколом и переходом от организованных форм борьбы к стихийным проявлениям ее, а следовательно и сигналом к концу забастовки.

Несмотря на очевидную безнадежность этого мероприятия, после переговоров с губернатором Ладыженским, получить деньги за проработанные 15 дней ноября все же удалось.

5 декабря т. Чулков, вновь приехавший из Москвы, сделал доклад на собрании служащих о том, что в Москве были последовательно арестованы два состава Центрального Бюро Съезда и что в нескольких губернских городах забастовка прекратилась, а в самой Москве работают штрейкбрехеры.

Члены комитета и наиболее активные товарищи находили, что в такой момент, когда настроение товарищей в ряде городов идет на убыль, нельзя кончать забастовку и поэтому высказались за ее продолжение, но вопрос о продолжении забастовки не был решен, т. к. голоса за и против разделились поровну.

Для окончательного решения вопроса о забастовке, условились собраться в тот же день, вечером, в Народном Доме. Это собрание не

было многолюдным, т. к. значительная часть товарищей, настроенных против продолжения забастовки, на собрание не явилась. После обмена мнениями было решено продолжать забастовку и снова делегировать в Москву т. т. Чулкова и Дмитриева.

Это была последняя попытка оживить и протянуть, во что бы то ни стало, почтово-телеграфную забастовку в Вологде до наступления всеобщей железнодорожной забастовки, на чем настаивал В. Ф. Макеев, как член железнодорожного союза, а также и часть бастующих товарищей. Но попытка протянуть забастовку осуществилась только частично.

Выехав в полночь 5 декабря с первым поездом и зайдя на другой день по приезде в Ярославль на телеграф к своим товарищам, мы узнали, что часть вологодских товарищей намерена начать работу. В Ярославле настроение тоже шло на убыль.

Наша поездка на съезд затянулась, т. к. 7 декабря в Москве началась всеобщая железнодорожная забастовка, а затем — московское вооруженное восстание. Уцелевшие от арестов члены съезда избрали 6 декабря своих уполномоченных в Исполнительный Комитет Московского Совета Рабочих Депутатов по организации железнодорожной забастовки и вооруженного восстания.

Не помню точно, — кажется, 7—8 декабря, — забастовка в Вологде была ликвидирована. Но, тем не менее, выехав из Москвы 18 декабря, после разгрома Пресни, мы нашли в Вологде горсточку товарищей, которые не сочли возможным для себя подавать заявления об обратном приеме на службу.

Спустя 20 лет, трудно вспомнить фамилии всех этих товарищей, часть их уже умерла; но, все же, я считаю своим долгом привести те из них, которые сохранились в моей памяти — (Пантелеев, Монастырев, Ильинская, Золотилов, Гэфле-Золотилова, Шемякин, Высоковский, Карянова и др.).

Таким образом, почтово-телеграфная забастовка 1905 г. в Вологде продолжалась 22—23 дня. Перечисленные выше товарищи, а также и ныне живущие в Вологде В. Ф. Макеев, К. А. Чулков и пишущий эти строки были судимы, как организаторы союза и почтово-телеграфной забастовки, вместе с несколькими другими товарищами, вновь принятыми на службу, по поданным заявлениям, после ликвидации забастовки.

Н. Дмитриев.

Воспоминания о п.-т. забастовке в Вологде в 1905 году.

Месяца за два до начала забастовки, возник организационный кружок, во главе с Н. П. Дмитриевым, Перфильевым и Золотиловым.

Новых членов кружка вербовали с большой осторожностью.

Из полученных из Москвы материалов видно было, что подготавлиется серьезное выступление. Разбирая петицию по отдельным параграфам, в квартире тов. Монастырева, мы настаивали на принятии востановочного политического характера, каковые и были приняты.

В момент объявления забастовки настроение молодежи было сильно приподнятое. Экспедитор телеграфа т. Бураков был настроен так воин-

ственно, что, с ножницами в руках, дабы побудить стариков примкнуть к забастовке, бегал от одного к другому, убеждая бросать работу, угрожая, в противном случае, заколоть упорствующих этим „смертоносным“ оружием.

Первые дни забастовки шли очень дружно. Но, с получением провозационных известий об окончании забастовки и арестах делегатов Всероссийского съезда, начались колебания среди малодушных в пользу окончания забастовки. Но колеблющихся удалось успокоить. Забастовка продолжалась.

Известие о выезде из Архангельска 18 штрейкбрехеров, для работы в Вологде, было встречено постановлением общего собрания пресечь им дорогу в пути, для чего были откомандированы трое товарищей—Монастырев, Попов и Бакаев.

Результатом выезда наших товарищей до Кадникова оказалось, что начальник Округа Иванов, как то узнавши о выезде, и испугавшись встречи с „тройкой“, бежал с дороги на фабрику Сокол, где и остался у управляющего фабрикой, а остальные, переодетые и не узнанные, приехали в Вологду.

Когда выяснилось, что „тройка“ не могла разыскать в пути архангельцев, собрание послало новых трех товарищей найти их в городе. В числе последних был и я.

После безуспешных попыток отыскать штрейкбрехеров в гостиницах „Якорь“ и „Пассаж“, мы зашли в „Эрмитаж“. Дали коридорному рублевку на чай—начали спрашивать. Узнать ничего не смогли—коридорный уверял, что никаких архангельских чиновников в гостинице нет.

Мы разошлись по разным комнатам. Я ушел в бильярдную. Осматривая публику, я заметил одного подозрительного типа. Находясь неподалеку от него, я выстукал по столу знак вопроса. Подозрительный человек, стоя ко мне спиной, сразу же оборотился и тревожно посмотрел на меня. Я заключил, что это—приехавший штрейкбрехер, который знаком с азбукой Морзе.

Сказал своим товарищам. Начали следить.

Вскоре мы узнали еще одного штрейкбрехера—механика Гусева. Приперев его, как говорится, к стенке, заставили сознаться и сказать правду, хотя он долго упирался и нес всякие небылицы.

Уходя из гостиницы, вздумали устыдить во лжи коридорного, но коридорный наивно оправдывался тем, что „они“ „дали больше“.

Едва успели сообщить собранию о результатах нашей „экскурсии“—архангельских штрейкбрехеров и след простыл. Устрашась, видимо, наших угроз, они бежали из Вологды.

Посылая т. Дмитриева на съезд, все присутствующие на собрании, в квартире т. Серебрякова, дали честное слово дожидаться приезда наших делегатов—Чулкова и Дмитриева, до них к работам не приступать. Но аресты некоторых делегатов съезда так повлияли на бастующих, что они, то по одиночке, то попарно, стали исчезать с собраний и уже более не появлялись.

Наконец, осталось всего человек десять. Эти дождались своих делегатов и, вместе с ними, были уволены со службы и преданы суду.

Вл. Шемякин.

Мои воспоминания.

(О выступлении п.-т. работников в Рыбинске, в 1905 г.).

Как после долгого летаргического сна, в 1905 г. почтово-телеграфные труженики поднялись все, как один человек, для завоевания своих человеческих прав, предъявив ряд требований эксплуатировавшему их правительству.

Скромные, измученные службой, забытые существа переродились, стали дерзкими, требовательными, непримиримыми.

Все сердца слились в одно целое, дышали одной жизнью, стремились к одной цели—чему то новому, светлому, понятному для каждого мыслящего работника, порой не вполне разбирающегося в новой обстановке, но инстинктом чувствующего, что это новое для него—необходимо, как воздух, пища или вода.

Все наболевшее, накопившееся за долгие годы беспросветного существования, пстекло лавиной такой сильной и неудержимой, что каждому постороннему, не участвовавшему в этом деле, но не утратившему человеческого чутья, чувствовалась правота этих обездоленных вьючных рабов.

Всюду загорелась жизнь, закипела ключом творческая работа, все, как муравьи, стремились укрепиться в борьбе за свое неотъемлемое право: собирался забастовочный фонд, предполагалось устройство спектаклей и другие мероприятия в помощь забастовщикам. Переписка по телеграфу между предприятиями шла полным ходом, никаких препятствий в этом направлении никто не чинил. Союзом ставится ультиматум правительству. Никто и думать не хотел о каких-либо уступках, все нетерпеливо ждали условленного числа.

И когда в назначенные часы ультимативное требование не было выполнено, все, без малейших колебаний, оставили работу.

Это было 14 ноября, в 6 часов вечера, в 1905 г.

Я в этот день был дежурным на Ленинграде. По ранее условленному сигналу, все аппараты, как по команде, закрыли действие.

Состояние было напряженное, но что то внутри ликовало и пело...

Состав Рыбинской конторы был сравнительно сплоченным. Не скажу, что было очень много активных членов в ней, но общее впечатление, как от среды, получалось очень уверенное.

На состоявшемся общем собрании служащих, тотчас же после момента оставления работ, был выбран забастовочный комитет, и обсуждались вопросы о дальнейшей тактике. Большинство выступавших служащих поддерживали экономическую забастовку, о чем и была вынесена соответствующая резолюция. Но развертывающиеся события сами собой толкали почтовиков на политическую борьбу.

Собрания служащих проходили с большими подъемом. Отличались некоторые из женщин, которые своим энтузиазмом поднимали дух всех бастующих. В Рыбинской конторе особенно деятельно проявили себя юзистка Лидия Боровикова и ее муж. Несмотря на то, что у них имелся длинный хвост детворы,—они, за все время забастовки, были в центре этого водоворота. У них на квартире созывались собрания, обсуждались

политические вопросы, давалась оценка надвигающимся событиям. Время было горячее, захватывающее. Ожидалась железнодорожная забастовка.

На одно из конторских собраний служащих был командирован из Нижнего Новгорода помощник начальника Округа Ефимов. Целью его командировки было—сорвать забастовку. А так как Рыбинской конторе придавали большое значение, то с нее и начали „пробу“.

Напрасно хитрый администратор прикидывался овечкой: волка в овечьей шкуре сразу рассмотрели и, после обмена мнений, было предложено—подвергнуть Ефимова изоляции—домашнему аресту, как человека явно вредного для корпорации п.-т. работников. Но, после всестороннего обсуждения, решили эту меру не приводить в исполнение. Пришлось Ефимову покинуть Рыбинск, не солоно хлебавши.

Наша контора бастовала 23 дня. Приступила к работе только после того, как узнала, что большинство учреждений уже работают.

Рыбинская публика во время забастовки, в большинстве, была на нашей стороне. Устраиваемые в городском театре спектакли в пользу забастовочного комитета давали полные сборы. Получалась денежная поддержка и от частных лиц. Вспомоществованием пользовались преимущественно семейные.

В декабре месяце этого же года приехал в Рыбинск „знаменитый“ инспектор почт и телеграфов Довяковский—началась чистка служащих. Конечно, как и всегда бывало во время репрессий, не обошлось без разного рода наговоров и доносов со стороны трусливых, продажных элементов. Но эти старания их были напрасны: все сознательные п.-т. работники открыто заявили администратору о своей деятельности и цели. Материал, полученный Довяковским от доносчиков, оказался совершенно лишним.

Уволен был весь состав комитета, без права поступления на государственную службу. Трое служащих (двое Боровиковых и я) уволены с преданием суду. Остальные—оставлены на службе, с занесением в формулярный список о их участии в забастовке.

Так кончилась печально первая схватка работников Связи с угнетателями. Неудача была вызвана исключительно полной оторванностью почтовиков от других организаций, которые в недалеком будущем, тоже обособленно выступили на путь борьбы.

Тотчас же после почтово-телеграфной забастовки началась железнодорожная, потерпевшая такое же фиаско.

Разрозненность в борьбе отдельных многочисленных корпораций послужила причиной неудачи. Не была использована возможность объединения и одновременной забастовки двух мощных союзов—почтовиков и железнодорожников.

11/Х—1925 г.

Архангельск.

Потельработник А. Олеринский.

УЧАСТНИКИ ПОЧ.-ТЕЛ. ЗАБАСТОВКИ 1905 ГОДА.

(На обороте см. биографии).

Биографии участников забастовки 1905 г.*).

(См. на обороте снимки с фотографий).

1. Дмитриев, Николай Павлович. Родился в В. Устюге в 1880 г. Отец был русский (служавший), мать—англичанка. Приехала когда то в Россию, в качестве гувернантки да так и осталась в ней навсегда. Службу в потельведомстве Н. П. начал в 1900 году в В. Устюге, а в 1904 г. перемещен в Вологду.

Здесь был одним из вожаков п.-т. забастовки в 1905 г. Состоял секретарем и казначеем Вологодского отделения Всер. п.-т. Союза, замещал председателя, был делегатом на I-м Всер. п.-т. съезде в Москве, но прибыл туда в тот момент, когда съезд уже закончился.

С 1906 по 1908 г. состоял активным членом Вологодской объединенной организации РСДРП, работая в железнодорожной части большевиков. С 1908 г., хотя партийную связь и не порвал, но активной работы не нес. В 1910 г. состоял в организации РСДРП—интернационалистов, а в 1920 г. из организации вышел.

По делу о забастовке был приговорен на 6 мес. тюрьмы, с ограничением некоторых прав, а после кассации—к трем месяцам крепости. Наказание отбывал в Волог. тюрьме.

После забастовки работал в конторе газеты „Сев. Зем.“. После закрытия последней поступил в статистику Вологодского Губ. Земства, где и работал непрерывно. С 1918 г., с организацией государственной советской статистики, перешел механически на эту же работу, заведую текущей сельск.-хоз. статистикой.

Сейчас—с 1923 г.—заведующий Губстатбюро в Вологде.

2. Чулок, Константин Аполлонович. Сын дьякона. Родился в Вологде в 1862 г. После окончания духовного училища и четырех классов духовной семинарии, поступил телеграфистом в Вологде, где и служил все время до забастовки 1905 г. В забастовке принимал активное участие—был председателем п.-т. союза в Вологде и делегатом на I-м всероссийском п.-т. съезде в Москве.

Уволенный из ведомства служил судебным приставом в Вологод. Округн. Суде. Потом, около двух лет, как находившийся под следственным судом, жил, перебиваясь кое-как, без определенных занятий.

За участие в забастовке был осужден на 1 мес. крепости. Наказание отбывал в Вологодской тюрьме.

По освобождении работал в Русском для внешней торговли банке, в период империалистической в йны занимал ответственные должности по продовольствию, служил в Куспроме. Сейчас—бухгалтером в Вологодском Губстатбюро.

3. Макеев, Василий Федорович. Родился в 1868 г. в бедной офицерской семье. После смерти отца на руках у матери осталось четверо детей, из которых старшему—В. Ф.—было 14 лет. С этих пор пришлось ему учиться и добывать средства к существованию своим трудом, т. к. мать получала пенсию лишь 20 руб. в месяц. По окончании Костромской гимназии в 1870 г., вся семья переезжает в Москву. Окончив там математический факультет. В. Ф. переходит на юридический, который и оканчивает в 1895 г. Но сдать в этом году государственные экзамены так и не удалось из-за ареста и высылки из Москвы. Сдает их в 1896 г. и приглашается в число присяжных поверенных Московского округа.

Помещенная рядом карточка снята в 1895 г. в Вязьме жандармерией, после ареста в Юхновском уезде Смоленской губ. В 1901 г., будучи выслан из Москвы, избрал местом жительства г. Вологду. В 1905 г. принимал деятельное участие в забастовочном движении. В ноябре 1905 г. был избран от московской адвокатуры в забастовочный комитет. Возвратившись из Москвы в Вологду, принимал деятельное участие в ноябрьском и октябрьском движении, в частности—в п.-т. забастовке.

Работая в Вологде, ежегодно подвергался жандармским обыскам. В 1913 г. отбывал в Москве 6 месяцев крепости за 1905 г. В настоящее время состоит в Вологде защитником. На последних выборах избран членом Вологодского Горсовета.

4. Гефле Маргарита Павловна. Дочь чиновника. После окончания Вологодской гимназии, в 1902 г., поступила ученицей на почту. В 1905 году была старшей по аппарату. За участие в забастовке уволена, но по суду—оправдана. Выброшенная за борт, существовала уроками, а потом уехала в Петербург, где удалось окончить курсы бухгалтерии. Служила счетоводом в Вологод. Город. Управе. В империалистическую войну, после смерти мужа, оставила службу, и уехала на юго-запад. фронт сестрой милосердия. Была

*) Здесь помещены биографии и снимки только тех участников забастовки, которые прислали свои фотографии и о которых имеются сведения в редакции журнала.

сестрой и в гражданскую войну. В 1920 г., вместе с войсковой частью, попала в плен к полякам, которые потом вынуждены были отступить, благодаря наступлению Буденного.

После этого работала в Вологде за фельдшерницу, а сейчас состоит на службе в канцелярии Вологодского Губздрава.

5. **Высоковский, Анатолий Дормидонтович.** Сын церковного сторожа. Родился в 1882 г. в Вологде. Окончив духовное училище, за смертью отца был лишен возможности продолжать образование и поступил учеником на почту. Служил чиновником в Грязовце, Ярославле, Вологде. Уволенный со службы, около восьми лет скитался кое-где, работая преимущественно монтером-электриком на лесопильных заводах Арх. губ. Наконец, удалось поступить на постоянную службу, монтером же, на бумажную фабрику Печаткино.

В 1918 г. поступил железнодорожным надсмотрщиком на ст. Буй. Сейчас — в той же должности, на ст. Исакогорка, близ Архангельска.

6. **Шемякин, Владимир Сергеевич.** Сын ремесленника. Родился в В. Устюге в 1886 г. После городского училища, поступил учеником на почту, откуда, в 1904 г., назначен чиновником в Вологду. Послужить здесь пришлось очень мало: в 1905 г., в числе других забастовщиков, был уволен. Состоя под гласным надзором полиции, был и газетным хроникером, и экспедитором, и конторщиком, и лесным объездчиком, и делопроизводителем, и бюллетером. По делу о забастовке был оправдан. В это же время подошла военная служба. После солдатчины вновь начинает „карьеру“ в потельведомстве — в 1912 г. поступает опять учеником на почту в В. Устюге и через два года — снова потельботник.

В период империалистической и гражданской войн занимал ряд ответственных должностей не по нашему ведомству. Теперь — старший по аппаратной в В. Устюге и кандидат в члены рабочкома.

7. **Чулкова, Мария Александровна.** Дочь священника. Родилась в 1868 г. После окончания Волог. гимназии, поступила на службу в потельведомство в 1889 году. Все время служила в Вологде.

За участие в п.-т. забастовке была уволена, но в 1907 г. вновь принята на службу. Судом по делу о забастовке была оправдана. Прослужила в потельведомстве около 30 лет, в 1921 г. оставила службу. Сейчас находится на социальном обеспечении.

8. **Бакаев, Алексей Иванович.** Родился в 1886 году. Сын крестьянина Кадниковского уезда, Вологодск. губ. В 1903 году поступил учеником на почту в Кадников, учеником же был сначала переведен в Кострому, а потом — в Ярославль, откуда и был назначен чиновником в Вологду. Послужить удалось лишь около 8 месяцев: за участие в поч.-тел. забастовке уволен со службы. Пришлось отправиться на житье в родную деревню, откуда лишь в летнюю пору уходил рабочим-ремонтером на телеграфную линию.

Лишь в 1909 году, за год до суда, удалось поступить надсмотрщиком в Устьпинегу Арханг. губ., но перед судом, когда возбуждено было дело о поч.-тел. забастовке в Вологде — снова был уволен.

После оправдания по суду, в 1911 г., был принят надсмотрщиком в Анненский Мост Олонецкой губ. Служил в одном из учреждений начальником почт.-тел. отделения, а потом — механиком.

В настоящей время — участковым механиком в Вологде.

9. **Монастырев, Сергей Константинович.** Сын пономаря. Родился в 1870 г. По окончании духовного училища, поступает учеником в Вологодский телеграфный округ и через 6 месяцев, 1881 г., назначается телеграфистом 4 раз. в Ярославль, а при слиянии почты и телеграфа переименован в чиновники 6 раз. В 1893 г. был взят на военную службу в Петербург — в военный полицейский телеграф. После трехгодичной военной службы, в 1897 г. снова поступает в потельведомство. Служил в Ярославле, Ветлуге, Рыбинске и, наконец, в Вологде.

За активное участие в забастовке судом был приговорен сначала на 6 месяцев, а потом, после кассации — на 3 месяца в крепость, каковое наказание и отбывал в Вологодской тюрьме на крепостном режиме.

Более 8 лет скитался без работы. В 1914 г. снова был принят юзистом в В.-Устюг. С 1-го апреля 1925 г. увольняется со службы по инвалидности, прослужив всего в ведомстве 39 лет.

Как пострадавший забастовщик и ветеран труда, представлен к персональной пенсии.

10. **Зубакин, Иван Александрович.** Сын крестьянина, Вологодской губ. Родился в 1885 г. После сельской школы, окончил городское училище. Два с половиной года работал „учеником“ на почте и на телеграфе и лишь в 1903 г. зачислен в штат Ярославской конторы.

В 1905 г. участвовал в организации отделения Всерос. п.-т. союза в Ярославле и был делегатом 1-го Всерос. п.-т. съезда в Москве. Уволен со службы по 3-му пункту.

Через два года, 1908 г., был принят и. д. надсмотрщика, впоследствии выдержал экзамен на механика.

Переворот 1917 г. застаёт его в Баку (в Закавказье) в должности завед. п.-т. конторой. Здесь вновь окупился в союзную организационную работу—был первым председателем местного объединенного комитета потельработников в г. Баку. Участвовал в работах 2-го Всерос. п.-т. съезда в Москве. Непродолжительное время руководил работой Закавказского краевого п.-т. комитета в Тифлисе.

В 1918 г. переехал на Север, служил в Вологде, а с 1922 года состоял по выборам членом президиума Северного Окргправсвязи.

Сейчас—членом президиума Вологод. ГСПС.

11. Кузнецов, Дмитрий Аполлонович. Сын безземельного крестьянина. Родился в 1885 г. Окончив духовное училище, поступил в потельведомство. Служил в Ярославле, откуда и уволен за участие в забастовке в 1905 г. В забастовке принимал деятельное участие—был делегатом от Ярославля на 1-м Всерос. п.-т. съезде в Москве.

После увольнения работал конторщиком на текстильной фабрике.

В 1910 г. снова поступил в потельведомство в Екатеринбурге. В империалистическую войну работал в полевых учреждениях, а потом—заведующим одним из подотделов Вологод. Угуба, позднее—завгубом, сначала в Вологде, потом—в Архангельске, откуда по партмобилизации отправляется на Запад. фронт. За последнее время был помощником нач. Округа в Вологде, а сейчас—там же—в должности инспектора.

12. Кашии, Константин Степанович. Происходит из крестьян. Родился в 1884 г. Как и большинство, после оконч. городск. училища, поступил учеником на почту, в Вельске, откуда был переведен, учеником-же, в Ярославль. Служил, с 1902 г., на Волге—в Рыбинске, Юрьевце, Ярославле, где и уволен за участие в забастовке 1905 г.

Состоял членом забастовочного комитета.

После забастовки не служил в потельведомстве слишком 12 лет. Первое время после забастовки занимался газетной работой, служил потом делопроизводителем на лесном заводе, канцеляристом в акцизе, помощником конторщика в каз. винном складе, земским статистиком. В империалистическую войну был на Зап. фронте—в Земсоюзе, после фронта—в главном комитете Земсоюза в Москве, а за ликвидацией последнего—секретарем волостного земства и земельного комитета в Лосиноостровской, близъ Москвы.

При организации Вологодского Угуба снова поступает в потельведомство, в 1918 г., секретарем коллегии. С 1921 г.—инспектор охраны труда (по союзу Связи) и с 1923 г. по настоящее время—инструктор Северного Облгправсвязи.

13. Чиркин, Николай Николаевич. Родился в 1880 г. Происходит из мящан с. Ветлуги, где, окончив городское училище, поступает учеником на почту. Начал службу в 1901 г. в Костроме. В 1903 г., благодаря краткосрочному аресту во время майской демонстрации с рабочими фабрики Зотова, было предложено начальником конторы убраться из Костромы. Пришлось переселиться в Ярославль, где и был, как член забастовочного комитета, уволен в 1905 году.

После забастовки года полтора скитался без работы. В 1906 г., благодаря знакомству с политическими ссыльными, удалось приткнуться в Грязовецкое Земское статистическое отделение—на сдельные работы. Через полгода перешел на службу заведывающим с.-х. складом в Грязовецкий уезд и вскоре—снова поступает в Грязовецкое статистическое отделение уже на должность заведывающего.

Но и тут пришлось прослужить недолго—замечен был в одном крестьянском собрании и распространении литературы—и опять без работы! Целых полгода, с семьей, пришлось прожить у родственников в Калужский губ.

Лишь в 1909 г., благодаря знакомству с теми же политическими, поступает статистиком в Вологодское Губ. земство, где и служил около 12 лет непрерывно, перейдя, в 1923 г., на службу в потельведомство—заведующим статбюро Упр. Сев. Округа, где находится и по сие время.

О нашей „стенке“.

(Несколько практических советов).

Что все почти стенгазеты, выпускаемые нашими союзными организациями, страдают теми или иными недостатками—это бесспорно. Каждый может убедиться в этом по рецензиям в „Сев. Почте“ на стенгазеты, присылаемые в Редакцию для отзыва.

На такие рецензии у многих членов союза, активно участвующих в составлении газеты, и даже у союзных организаций, установился своеобразный взгляд, который они и выражают в таких, примерно, словах: „Северная Почта“ только высмеивает, критикует нашу стенгазету, а не указывает как улучшить ее“.

Этот взгляд совершенно не имеет никакого основания. Неправильность этого взгляда многочисленными сторонниками рецензий вполне осознана.

И в самом деле, ведь, если указанные в рецензии недостатки устранить, не повторять их, то это значит—улучшать, совершенствовать „стенку“.

Если указано в рецензии, что к недостаткам стенгазеты относится помещение слишком длинной передовицы, то это значит, что передовицы надо писать и помещать в газете покороче. Если указаны конкретные недостатки той или иной корреспонденции—следует избегать их в будущем.

Стенгазета является одним из важных и живых видов культурной работы союза. Развивать, улучшать и совершенствовать стенгазету, не останавливаясь на застывшем трафарете,—вот что нужно для нашей „стенки“.

Независимо от помещаемых в „Сев. Поч.“ рецензий, мы решили дать несколько коротеньких советов и указаний, полезных при выпуске стенгазет, имея целью изжить недочеты наиболее распространенные и допускаемые многими нашими стенгазетами.

Во-первых. Стенгазету рекомендуется не вытягивать слишком в высоту, а расширять горизонтально. У нас наблюдается сплошь и рядом, когда стенгазета вытянулась от пола чуть не до самого потолка. Пусть стенгазета протянется побольше вдоль стены—зато ее могут читать много работников сразу. Не надо будет по-гусиному вытягивать шею и напрягать зрение, разбирая с трудом верхнюю часть газеты, а иногда и совсем ничего не разбирая на большой высоте.

Во-вторых. Ярче изображать название газеты, чтобы оно останавливало внимание проходящего, делало стенгазету заметной. Название, по смыслу своему, должно быть оригинальное. Не следует выбирать для стенгазет одноименные названия, а то у нас выходит сейчас две „Красных Связи“ (в Вологде и Онеге, последняя позаимствовала название у первой) и два „Пробуждения“ (в Яранске и Устьсысольске, в последнем стенгазета вышла раньше яранской).

Названия, за исключением указанных одноименных названий, менять не рекомендуется, так как к названию стенгазеты работники привыкают.

Рисунок названия лучше разнообразить, по возможности в каждом номере: это до известной степени вызовет у читателя живой интерес к вновь выпущенному номеру стенгазеты.

В-третьих. Ярче и рельефнее писать заголовки корреспонденций. Заголовки в виньетках, написанные красками, оттеняют отдельные статьи.

Заголовки надо придумывать как можно удачнее, дабы они обращали на себя внимание читателя. Например, если вместо заголовка „К развитию культуры“, будет: „Грызите гранит науки“ или „Учитесь, учитесь, учитесь“—читатель больше будет заинтересован и скорей прочтет статью под таким заголовком.

Правда, придумать удачный заголовок не так просто, но над этим стоит поломать голову, ибо часто интересная статья с неинтересным заголовком проходит не замеченной.

В-четвертых. Там, где есть члены союза, хоть немного умеющие рисовать, надо завербовать их для изготовления виньеток и рисунков, выражающих содержание заметок. Рисунок привлекает читателя и такая заметка лучше им воспринимается.

Если своих рисовальщиков нет, можно соответствующие рисунки подбирать в иллюстрированных журналах, вырезать их и наклеивать на стенгазету.

В-пятых. Материал в стенгазете рекомендуется располагать так: прежде всего,—коротенькая передовица на какую-либо злободневную тему, например: „Борьба с беспризорностью“, „1 мая“, „Октябрь“ и т. д. Затем—несколько корреспонденций о производстве, например, о каком-либо предлагаемом новом способе приближения аппарата Связи к населению, как изжить сверхурочные и т. п.

Дальше можно пустить отдел „Партийная жизнь“. В этом отделе надо периодически информировать массу о работе, проводимой местными ячейками РКП(б) и РАКСМ.

После этого идет самый интересный для читателя отдел „Мелочи производства и быта“—информация о жизни предприятия и союзной организации, словом—наше житье-бытье. В этом отделе можно помещать корреспонденции, отмечающие наши достижения, корреспонденции обличительного характера и т. п.

Лучше всего, если заметки о тех или других недостатках будут ставить своей целью воспитание, разъяснение, а не одно только „подергиванье“.

Там, где (в особом подотделе) возможно помещать корреспонденции антирелигиозно-воспитательного характера, не надо избегать и этого.

В-шестых. Надо добиться того, чтобы газета составлялась не только членами редколлегии, как это часто наблюдается у наших стенгазет, а самими работниками, чтобы стенгазета связывалась с массой через рабкоров, которых она объединяет вокруг себя.

Стенгазета ставит также перед собой задачу—научить рабочего писать в печатные органы. Первой ступенью этой учебы и является стенная газета.

В-седьмых. Писать надо коротко, но ясно, понятным всей массе языком, без употребления иностранных слов, требующих расшифрования через словарь.

Вот, вкратце, практические советы, какие мы напоминаем всем нашим стенгазетам, рабкорм и читателям.

Всё это, при умелом использовании, будет способствовать приближению стенгазеты к широкой читающей массе, сделает стенгазету родной, близкой, интересной.

М. Николин.

Оживим работу собраний!

Пришлось мне как-то побывать на одном из заседаний культкомиссии при Вологодской потельконторе.

Долго, очень долго один из товарищей читает из какого-то журнала положение о культработе. „Жарит“ товарищ все сразу, не останавливаясь даже на отделах, залпом вылетают перед слушателями слова—и о библиотеке, и о вечерах вопросов и ответов, и о „синей блузе“ и т. д.

Но вот окончил.

Кто-то сказал два слова: „принять к сведению, учесть при нашей работе в Красном Уголке“. И... только!

Иду в следующую комнату—там тоже собрание.

Оказывается—одна из делегатских групп—„десяток“.

На повестке дня—проработка Кодекса законов о труде.

И вот, по очереди, „зажаривают“ делегаты, без остановки, бедный Кодекс о труде. Читают быстро, быстро, еле успевая передохнуть...

Скромно разместился „десяток“ по углам большой комнаты. На лицах—тоска, апатия, томительное ожидание конца...

Вот в одном уголке приютились три работницы, потихоньку переговариваются меж собой. Уверен, что о рынке, о кинематографе, об улице—о той жизни, что за окном.

Робко заходят и останавливаются в дверях трое—как будто ящики и почтальоны. Сесть негде. Слышен однотонный, как у дьячка деревенской церкви, голос чтеца, уткнувшегося в книгу...

Пришедшие стоят долго... прислушиваются...

И... уходят с вопросом на лице...

Товарищи, так дальше продолжаться не может! Давайте—оживим работу наших собраний!

Член союза.

(Из стеног. „Крас. Связь“, Вологда, № 14).

В Красном Уголке в Уржуме.

С каждым днем посетителей Красного Уголка в Уржуме становится все более и более. Сквозь синеву махорочного дыма виднеются, тесно сжавшиеся на диване, связисты. Один в газету „Труд“ углубился, тот хохочет над удачной карикатурой в „Крокодиле“, там горячо спорят о договорах конференции в Локарно, тут библиотекарь недоверчиво проверяет сдаваемую книгу и бережно выдает новую, наказывая не пачкать...

Кто в шашки дуется, кто оркестр настраивает—тесно, душно, но мирно. Теперь готовятся к Октябрю, начали политграмоту проходить—каждый вечер занят. Одним словом, работа идет.

Митревна.

Профработа в Тотье.

За отчетный период проведена, между прочим, работа по вовлечению членов союза в школу политграмоты, куда записалось до 14 человек, из которых большинство уже прошли успешно курс школы политграмоты в 1924 году и изъявили желание вновь посещать такую, уже повышенного типа, в 1925 году. Кроме того, некоторые работники посещают разные кружки при парт-профклубе. Организованы при рабочкоме ячейки: ОДН, МОПР и Авиахим, членами которых состоят до 90% работников. Кооперировано 90% всех работников.

Касса взаимопомощи работает удовлетворительно. За отчетное время бюро кассы нашло возможным произвести выдачу наиболее нуждающимся работникам безвозвратных ссуд на общую сумму до 30 руб. Наличный оборотный капитал кассы на 1-е октября достиг уже более 200 рублей.

Во время летнего затишья в Красном Уголке массовой работы не велось. С октября месяца будут регулярно проводиться, один раз в неделю, вечера вопросов и ответов по производственным и профессиональным вопросам. Для Красного Уголка выписываются на средства рабочкома журналы: „Северная Почта“, „Пролетарий Связи“, „Коммунистический и народный университет на дому“ и газеты: „Рабочая газета“, со всеми приложениями, „Молодой Ленинец“ и „Труд“.

Работники конторы, вместе с другими профорганизациями, шефствуют над Заозерской волостью. На шефство оказывается добровольная материальная помощь до 4 руб. ежемесячно.

При Красном Уголке имеется библиотека с 783 книгами.

Вас. Мищуринский.

Наши пионеры.

Недавно наши ребятишки, в Уржуме, были переданы в пионерский отряд, в количестве 11 человек. Образовано звено из них под названием „Связь“. Были уже два пионерских собрания—говорили о значении пионерских организаций, о Ленине. Ребятишки очень довольны. Собираясь в красный уголок, они оживленно делятся впечатлениями и хотят быть настоящими пионерами, достойной сменой РЛКСМ.

А. Б.

«Суждены нам благие порывы».

В Вятской организации насчитывается до 110 женщин. Цифра—весьма и весьма солидная. Большинство из них—от 23 до 35 лет, как раз в том возрасте, в котором есть желание работать, учиться, пополнять свои знания, но только не сидеть дома.

В средних числах сентября с делегатами старого состава была беседа. Подводили итоги годовой работы. Беседа проходила легко и непринужденно, каждая оживленно вспоминала делегатские собрания, доклады, лекции и, не замечая того, высказывала свои политические знания.

Нужно приписать к чести делегатов, что они своими знаниями могут посоперничать с членами партии и комсомола.

Единогласно было принято постановление:

„Товарищеские беседы с делегатками старого и нового состава устраивать ежемесячно, чаще созывать женские собрания, устраивать лекции по гигиене“ (благо лектор предлагает услуги бесплатно).

Но увы!

Желание делегатов и общего собрания работниц осталось на бумаге...

Женорганизатора никак снегом замело.

Ожидаящая.

Празднование Октября в Вологде.

6 ноября в 6 час. вечера клубный зал Совпартшколы был переполнен связистами. На общее собрание, посвященное 8-й годовщине Октябрьской Революции, явились почти все работники, за исключением тех, которые были заняты на телеграфе, телефоне и радио.

Собранием был заслушан доклад на тему: „Итоги восьмилетнего строительства и перспективы хозяйственного возрождения“. По докладу принята такая резолюция:

„Работники Связи г. Вологды, собравшись накануне дня 8-й годовщины Великой Октябрьской Революции, отмечают, что за прожитые 8 лет борьбы рабочего класса и крестьянства, под руководством РКП (б), за лучшую, свободную жизнь, Советская страна, являющаяся основой этой жизни, окончательно организовалась, выросла и окрепла.

Октябрь 1917 года является прямым путем к мировому Октябрю.

Работники Связи сделают все, чтобы этот путь в недалекое время был пройден мировым пролетариатом и завершился мировой пролетарской революцией“.

По окончании собрания, со знаменами, плакатами, световой эмблемой союза и с факелами в руках, ряды работников направились на Советскую площадь. Там представлена была инсценировка „Взятие зимнего дворца“.

Утром 7 ноября работники собрались во дворе Почты и стройными рядами, со знаменами и плакатами, направились на Советскую площадь, для участия в общей рабочей манифестации.

Море людских голов, бесчисленные красные знамена, речи ораторов, сменявшиеся звуками Интернационала,—все это выходило из рамок обыденной жизни, чувствовался подъем и праздничное настроение.

С Советской площади, после окончания манифестации, ряды связистов, вместе с другими организациями, двинулись в Детский сад—на открытие памятника Ленину.

Этим и закончился день 7 ноября. Участникам манифестации были розданы билеты в театр и кинематографы.

8 ноября празднование проходило в Красном Уголке при Вологодской пательконторе, где силами членов союза был организован вечер с инсценировкой „Равняйся по Октябрю“. Выступал хор, декламаторы, было спорт-выступление пионеров и октябрат.

Празднование 8-й годовщины Октябрьской Революции охватило широкие массы связистов и проходило с большим подъемом, чем в предыдущие годы.

Н.

ОТКЛИКИ С МЕСТ.

Необходима связь живая.

На последнем Окружном Съезде работников Связи подчеркивалась необходимость усиления живой связи Уокра с предприятиями на местах. Но до сих пор что-то не слышно и невидно—проводится ли это на деле. А инструктирование очень и очень необходимо.

В связи с реорганизацией сети предприятий и операций производства, на местах встречается очень много ненормальностей, всплывает уйма вопросов, которые требуют толкового разъяснения. Есть печатные инструкции и циркуляры, но не знаю—или они непонятно составляются, или на местах работники плохо прорабатывают их, но до сих пор упущения и неувязки встречаются очень часто.

Взять хотя бы прием телеграмм в агентствах: одни оплачивают телеграфный сбор марками, наклеивая их на телеграммы; другие—посылают наличными деньгами в отделение; третьи—наклеивают марки в квитанционной книге и т. д.

Очень часто встречаются и другие факты, свидетельствующие непонимание работниками порядка обработки корреспонденции. Наблюдаются случаи, когда зав. почтовым агентством, для сдачи предприятия другому работнику, запрашивает узловое отделение: сколько у него должно быть в кассе денег на такое-то число (Слободчиково), иначе, говорит, „могу сдать неправильно, потому что по новой инструкции у меня никакого ни учета ни счета не ведется“.

Вот насколько упрощают производство Связи в некоторых местах.

В таких случаях трудно наладить дело циркулярами,—необходима связь живая.

Швецов.

Уголок Связи на с.-х. выставке.

Спасо-Вобловицким почтовым агентством был организован уголок Связи на с.-х. выставке в селе Полومه Слободского уезда, Вятской губ.

Действующие таксы на все виды почтовых отправок, красочные плакаты, брошюры, листовки и тезисы по распространению подписки на периодические издания СССР, о розничной продаже периодических изданий и произведений печати, высланных агентством „Связь“, по сберкассе, портреты вождей Революции, каталоги на периодические издания и книги, диаграммы о работе бывшего Спасо-Вобловицкого почтового отделения, а теперь агентства—вот те экспонаты, числом около 800, какие были представлены на выставке в уголке Связи.

Выставка продолжалась только три дня, с 14 по 16 октября. В уголке Связи производились всякого рода почтовые операции. Было завербовано 16 подписчиков на периодические издания, продано разной литературы на 7 руб.

При скоплении публики проводились беседы о значении лозунга „Почта в деревне“, о целях и задачах сельских письмоносцев, о сберкассе, о подписке на периодические издания.

Уголком Связи на выставке посетители остались очень довольны.

Н. Исупов.

Квалификацию «повышают».

Устьсысольский завконт всех техников перешерстил в конторе, выбирая надсмотрщика с повышенной квалификацией.

Однажды, в августе месяце, был командирован такой „квалифицированный“ на исправление повреждения по 2616 проводу. Выезжая в сторону Визинги, около 14 верст от Устьсысольска, обнаруживает „спец“ повреждение—разбит изолятор с углового столба, а провод лежит на земле.

Начал „спец“ повреждение исправлять...

Поднял провод на столб, и привязал веревочкой, аршина, на полтора от изолятора... лишь бы только земли не касался...

С такими „спецами“ далеко не уедешь.

Член Союза.

Офицерские погоны—в ход!

Весной 1925 года линейным техникам были выданы премии за работы 1924 года.

Одного из учмехов города Вятки тов. Кошкарова этой премии лишили потому только, что каждый провод городского шлейфа давал 30 ом сопротивления на 1 версту, тогда как при осмотре городской линии в 1924 году ремонт был признан удовлетворительным.

Дело тут заключается в следующем.

Шлейф давал 30 ом сопротивления на версту—это верно, но причина была вовсе не в проводе а... в Вятской конторе!

Оказывается, тов. Раменский сделал нынче летом „открытие“... трубки Бозе, стоящие за коммутатором каждого провода, обладали громадным сопротивлением потому, что, вместо легкоплавной и не имеющей никакого сопротивления проволоочки, в трубке Бозе была поставлена проволочка-ленточка, взятая из офицерского погона, видимо, подобранная вятскими техниками где-либо после Колчака.

Кто виноват—Кошкаров или завтех Борисов, поставивший такой предохранитель, через который ток проходит более сильный и может сжечь приборы?

Надсмотрщик.

Не потрафил.

Один из почтальонов Устьсысольской потельконторы принес как-то адресату телеграмму и, поклонившись низко, сказал ему:

— На чаек бы с вашей милости... хоть на фунтик сушки соблаговолите.

— Дам, дам,—пообещал адресат,—ежели только без замедления, да вне очереди, да ежели хорошее известие от жены принес,—с удовольствием дам...

Вскрыл, не спеша, телеграмму... Прочел...

— Не могу, добрый человек,—обращается к почтальону,—телеграмма замедлена на сорок пять минут... Коли на будущий раз без замедления вручишь,—дам... А сейчас не могу... Сам посудите—замедлена на сорок пять минут... А в следующий раз, ежели потрафишь,—обязательно дам...

Почтальон повесил-было голову, но, в ожидании будущих благ, решил не сокрушаться очень:

— Рад стараться!—подобострастно, по-солдатски, воскликнул почтальон.

Слухач.

«Молчать!».

В № 9 „Сев. Поч.“ помещена статья „Югского“ „Принципы первенства“. Вполне соглашаясь с автором заметки, не лишним считаю добавить, что нахальство устюжских дежурных, а в особенности старших по аппаратной, дошло до крайних пределов. На 1840 провод нередко садят в Устюге учеников не умеющих работать. На просьбу пригласить другого,—обыкновенно, подходит к аппарату старший и приказывает работать.

Начинаешь ему объяснять о невозможности работы и... получаешь в ответ:

— Молчать! Не ваше дело! Я—старший!

Таких „старших“, по моему глубокому убеждению, давно бы пора гнать из телеграфа.

А. Красиков.

«Завтра».

В Петровско-Буйском поч.-тел. агентстве почтальону Шерстневу второй месяц сулят сапоги... Раз с полсотни зав. агентством просил об этом Уржумского завконта И. М. Колескина и тот, обыкновенно, говорит: „Сегодня заделают и со следующей почтой будут посланы“.

Почта придет—сапог нет.

Зав. агентством Шабалин—к аппарату:

— Где сапоги?

— Завтра придут,—отвечают опять из Уржума.

За два месяца таких „завтраков“ было не мало.

Наконец, 9 октября, в присутствии проезжавшего мимо помнаокра Кузнецова, торжественно было обещано—выслать сапоги „завтра“.

На другой день Кузнецов от нас уехал, а сапоги... и сейчас не приехали.

Долго ли еще будут утешать полубосого почтальона этими „завтраками“?

Дудоров.

Столбики считал.

В начале ремонтного сезона учмехом Чевским отремонтирована телеграфная (телефонизированная) линия Вологда-Чибсара—83 км.

Для освидетельствования этих работ Уокр шлет. спеца-ревизора т. Лаговского.

Ревизор посмотрел и нашел: „...В общем ремонт произведен удовлетворительно“...

И понесла же нелегкая т. Буторина—поинтересовался как-то попутно этой линией—и нашел: „...При ремонте отсутствовал технадзор... мало обращено внимания... признать ремонт удовлетворительным нельзя“...

Ремонтер взвыл, встал на дыбы. Да оно и понятно—обида кровная.

Поехал третий ревизор, т. Раменский, и нашел: „...Акт т. Буторина подтверждаю в целом... полагал бы срочно командировать т. Чевского и за свой счет устранить неисправности“...

Ну, а дальше?

Дальше... Уокр дает соответствующее предписание Чевскому, в каковом, между прочим, говорится: „в помощь при работах возьмите одного из надсмотрщиков Вологодской конторы, 120⁰/₀ надбавки которому, вместо суточных, будет выдано Уокром“... (это за счет-то Чевского?!).

Кроме того, „для окончания (?) работ участка, выдается Чевскому аванс 40 руб. из § 12 ст. 2“ (выходит—опять-таки из кармана „папаши“, а не Чевского).

На таких радостях Чевский разоткровенничался:

„А и верно, ведь, ребята... шибко я спешил с работами... восемь ден, с дорогами, прошел я эти 83 километра... поправлял лишь угловые столбики“...

Каковы будут результаты этой повторной работы, поживем—увидим... А пока что—плачут „папашины“ денежки, плачут.

Н. Борисовский.

(Из стениг. «Красн. Связь», Вологда, № 14.)

Сорокоградусное настроение.

Когда последние лучи заходящего солнца тают в вечерних сумерках, когда один за другим вспыхивают фонари и их неуверенно дрожащий свет рисует бледные круги на липкой осенней грязи,—приятно тогда пройтись по улицам вечерком—отдохнуть от трудового дня.

Иду по Советской. В широко и гостеприимно раскрытые двери „Слонов“, „Рекордов“ и „Уютов“ вырываются на улицу бравурные звуки пианино и залихватский скрип смычка... Столы, декорированные батареями порожних, полупорожних и непчатых, облеплены фигурами—точно мухами...

За столиком—компания наших связистов. Иные фигуры уже теряют равновесие, иные—стойко держатся на своих позициях.

— Как же быть-то, товарищ—раздается озабоченный голос.

— Ни гроша,—печальный вздох в ответ.

— Как же попробовать-то?—снова вопрошает озабоченный голос.

— А хар-р-раша-а!—слышится восторженная хвала счастливца, успевшего попробовать, выпущенную сегодня, сорокоградусную.

— Он у нас, брат, знаток... прежде всех нас анализ произвел,—одобрительно заключает кто-то.

— Сорок градусов! Рубль двенадцать копеек!..—гремит сладострастно восхищенный голос.

Но в этот момент дверь закрывается... Дальнейший разговор так и не удалось дослушать мне...

Николай Борисовский.

(Из стениг. „Крас. Связь“, Вологда, № 14.)

Из писем корреспондентов.

На заметку „Через чего“?, напечатанную в № 9 „Сев. Поч.“, от тов. Попова поступило разъяснение следующего содержания:

„Смысл моего выступления на общем собрании по докладу делегата Окрьезда о „Северной Почте“ средактирован в протоколе не верно. Обсуждался мною вопрос, касающийся более «Пролетария Связи». Я говорил: «не разменяемся ли мы на мелочи, издавая «свой» окружной журнал параллельно центральному органу, ибо недостаток культурсредств известен, и что „Пролетарий Связи“ через это может не иметь известной части подписчиков. Никакой критики решения Окрьезда и содержания журнала «Сев. Поч.» не было и быть не могло. Мне дорог и союз и свои союзные печатные органы.

Я далек от мысли выявлять недовольство журналом, безразлично каким: будь то «Сев. Поч.» или «Прол. Связи» лишь только за то, что «прописали», скажем, хотя бы про «визитеров». Нет. Это вполне нормально. Лично бы и я тоже сделал. Недостатки только и можно пресечь и выправить через печатное слово. Что-же, каюсь,—был грех. Но, ведь, нашему брату—почтовому только раз в год позволительно воспользоваться одним свободным днем и отдать вынужденную, быть может, дань проклятому наследию прошлого. Но, ведь, и это постепенно изживается и верю—скоро изживется.

Поэтому выписанные курсивом слова в заметке «имел основание», для меня крайне обидны. Никогда не думал и не думаю обижаться на журнал, газету или рабкора за то что укажут на мой промах, ошибку или что другое. И менее всего—на свой собственный союзный журнал.

На заметку „Хоть с вывеской, хоть без вывески“, помещенную в № 9 „Сев. Поч.“, от тов. Галицкий получено письмо такого содержания:

«Почтальон, писавший заметку, наверное, не работал вместе с Галицким, иначе он не говорил бы о том, что он по сбергассе не обмолвился ни словом. Если бы граждане не знали, то никто не спрашивал бы, можно ли положить вклад и Галицкий не положил бы начала операций, приняв 67 руб. деньгами и 25 руб. облигациями. Занимая ряд выборных общественных должностей: в ЕПО, ККОВ'е, добровольных обществах и по профлинии, принимая участие во всей культурно-просветительной работе, а также и во всех проводимых кампаниях, я вел повседневную индивидуальную агитацию и за сбергассы. Виноват ли Галицкий, что бюджет крестьянина тощ и не забыты прежние вклады?»

Хочется сказать пару слов «Почтальону», как оценщику. При обследовании работы отделения завокрконтом. т. Базиным, в августе с. г., Галицкому выражена благодарность за хорошую постановку дела. Президиум ВИК'а, по отчетному докладу о работе 17 сентября, таковую признал удовлетворительной. Мог бы привести еще ряд отзывов о работе моей, как местной ячейки РКП. так отдельных ответственных работников волости и крестьянства, но думаю и этого довольно».

На корреспонденцию „Наши моторы“, помещенную в № 9 „Сев. Поч.“ от т. Раменского из Архангельска поступило следующее разъяснение:

„В статье «Наши моторы» т. Б—в указывал общие статистические данные об эксплуатации двух моторных катеров, между тем как Архангельская контора имеет в данное время один мотор, а потому и приведу более точные статистические данные о работе этого мотора, обслуживающего кольцо № 3—Маймаксанский рабочий район, за сентябрь месяц с. г.

Расход: керосину	46 пуд.	} На сумму.	156 р. 90 к.
бензину.	6 » 7 фун.		
масла	5 » 28 »		
зарплата обслуж. персонала			278 » 49 »
		Итого.	435 » 39 »
Приход: почтовый сбор			375 » 45 »
телеграф. »			11 » 04 »
пассажир. »			7 » 30 »
		Итого.	393 » 79 »

Общий дефицит за месяц выражается в 41 р. 60 к.

За месяц произведено операций:

Получено: простых писем	2993 шт.	отправлено	2000.
» бандеролей	111 »	»	40.
» период. изданий	7942 »	»	—
» заказных изданий	333 »	»	135.
» ценных писем	159 »	на сумму	4035 руб.
» денежных переводов	20 »	»	388 руб. 59 коп.
	отправлено 283 шт.	на сумму	6786 р. 28 к.
» ценных посылок	2 »	»	65 р. отпр. 22 шт.—714 р.
» без цены посыл.	12 »	»	» 16 »
» доплат. писем	629 »	на сумму	87 р. 70 к.

Из указанных данных видно, что дефицит, о котором говорилось в статье «Наши моторы», не так уж велик, принимая во внимание, что мотор работает еще несколько месяцев и можно думать, что в будущем эта линия будет бездефицитной.

Затем, автор заметки не прав, что катер по своей конструкции и силе в 36 нр. более пригоден для буксировки леса и пр., наоборот, катер исключительно пригоден для быстрой и легкой связи и только, как исключение, буксирует баржи и пр. Расход горючего материала равен не 37 фун. да плюс бензин, а 36 фун. вместе с бензином и даже менее.

Катер обслуживает район с населением 18000 человек и курсирует 3 раза в неделю, кроме того, совершает и другие служебные поездки. О практичности и удобстве передвижной почты на моторе говорить много не приходится, т. к. большинство и завкомов и отдельных лиц и кольцевик ею довольны. Мотор не безинтересен и для пассажиров. Правда, их в данный сезон было мало, отчасти из-за неосведомленности, но в дальнейшем на это будет обращено более внимания.

Тов. Б—в указывает, что, имея такой большой район населения, не продано ничего из литературы. Это объясняется тем, что при каждом заводе имеется клуб и богатая библиотека, а потому—естественно—литература наша не имеет успеха.

Предлагаемая т. Б—вым организация, вместо моторной связи, курсируемые на пароходах квалифицированные служащие—думаю—успеха иметь не будет, т. к. если у квалифицированного будет район в 6—7 заводов, а на каждый завод газет бывает от 5—10 фун. да если еще будут посылки, то кто же это все будет носить? Безусловно, потребуется еще помощник да и время будет ограничено, придется следить за расписанием пароходов и т. д.

Обслуживание района ежедневно на моторе также возможно, если в этом будет необходимость“.

Не возражая автору письма по существу его доводов в защиту моторов, мы бы воздержались, пожалуй, говорить о доходности, причисляя к ней телеграфный и почтовый сбор. А если остановимся на доходности, полученной от одних пассажиров, то дефицит выходит весьма солидный.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД

= НА СОЮЗНЫЙ ОРГАН =

„ПРОЛЕТАРИЙ СВЯЗИ“.

Журнал выйдет в улучшенном виде и увеличенном формате. Будет обращено внимание на максимальное использование рабкорских заметок.

КАЖДЫЙ СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН СОЮЗА ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОДПИСЧИКОМ СВОЕГО ПРОФОРГАНА.

Об условиях подписки см. последнюю страницу обложки.

Бубин и Козырь.

Рассказ.

(Окончание).

В этот вечер на посиденке Бубина не было, ребята сказывали: Наркомпут не придет, потому в город уехал, на с'езд вызвали.

Козырь в глаза Надьке ласково заглядывал в этот вечер — помирились.

Надька в узор кружевной уткнулась, Козырь слова ей на ухо ласково веял:

— Меревигина у вас сидит... Пойдешь, ежели?...

— Сказано—пойду, чего еще,— между песенкой в ответ ему бросила коротко.

Через час братишка маленький Надькин прибежал, ее домой вызвал—мама зовет, мол, скорей иди.

Козырь проводил ее до дому, у крыльца в засос целовал долго

Так и сосватались. Надька много плакала по обычаю, а в душе рада была. Рубашку суженому Игнахе шелком в подарок, любя, вышивала, каждый крестик в канве продумала.

Жаль доли девичьей, да не век так—когда-нибудь надо. Хороший он...

Со с'езда Бубин приехал—весна-весной: еще бы—сам выдвинулся и два дела куда важные сделал—кредит из банка для комвзаймов и мелиорация района.

Вести о свадьбе Надькиной, что доской половиной, по лбу ударили.

— Стерва, постой ужо,—сквозь зубы выцедил.—Лявва...

Жизнь—что речка Крутогорка—берега новы, а вода всё та-же.

Передовой парень Бубин по волости, и хозяйство шестиполка, и партийный, на волостной женской конференции так резал старые взгляды на женщину—казалось, умереть готов был за бабью свободу, а вот поди-же ты—не простил Надьке, что не-за него вышла. Сначала только обиделся—выругал, а потом, видимо, крепко под сердце подкатило—ночи безсонные мукой мучился.

На посиденки ходил попрежнему, только посидит, посидит—да и шашть на улицу с думкой-искоркой—не выйдет-ли...

— Скапугился, робя, Наркомпут наш,—говорили парни.

— Што, брат, заело?—спросит иной шутливо-участливо.— Смотри, Нармомпут... Просемай.

Надька просватанная на посиденки не ходила—Егор не пускал: дескать, погуляла и будет, достаточно.

Много ли вообще нашим девкам удовольствия надо,—совсем пустяк: вырасти не уродом, погулять по-девичьи вволю, нарядиться других не хуже, да жених по характеру,—вот и всё.

У Надьки всё было—выросла красавица, одевал Егор, хоть и из последнего, прочих не хуже, на приданое последнюю корову продал—шубы одной по обычаю не хватило, да на свадьбу денег гора пойдет. Жених у Надьки—три года лелеяла—ну, всплакнула—было разика два-три по волюшке девичьей, по гулянкам веселым, да и успокоилась.

Ему отдала свои думы, Игнахе Козырю,—будущему. Всё ему: станет спать ложиться—об нем думает, встает—он в голове, еще бы—с ним жизнь впереди, особая, новая.

Однажды вспомнила Бубина, вечер на посиденке и потом одну встречу на улице—противно за него, за себя стало, а ведь тогда сказал бы только—все бы отдала дорогое, лучшее, девичье, не подумала бы.

Случай на улице такой был. Бежит она как-то вечером от Маньки Курицы, за выкройкой для кофты бегала, в одной шали на плечах, без шубы,—остановилась напротив окон посиденки, загляделась, задумалась. Вдруг голос Бубина:

— Стой,—говорит.

Вздогнула, испугалась—не убежала.

Бубин—было о любви своей,—куда, не суйся—ремень у Надьки слово данное.

— Ты, говорит, за мной больше не броди и не приставай... Не люблю тебя... Понял? Чего зевал раньше? А што тогда вечером—так это зря... Так, попусту... Баловство...

Озверел Бубин, хмель в голову ударил, схватил Надьку, целовать, ласкать начал. За груди было—закричала:—пусти, чорт, дьявол!—на всю деревню. Отпустил, домой ушел с душою пьяной, а потом одна бабка Мориха знает, сколько председательское брюхо самогона выносит.

Обстоятельный парень был Бубин, а тут запил—буяннить начал.

В воскресенье, днем случилось, вызвали девки с собой вместе, обычаем справить—жениха навестить Надькина—приехал, мол, сегодня на проведку к ней.

Пошел Бубин, да и сам не рад. В избе народу полным-полно. Надька—что груша спелая, полна соком, довольная. Взяла гребенку из своей головы, жениху волосы причесала (девки, шутя, растрепали), а потом рукой по щеке ему провела ласково-ласково.

Козырь от счастья смотрит на всех козырем—вот, мол, как мы-то.

Не помнит Бубин, как из избы выкатил, да к Морихе прямо. Вечером спектакль был в селе, верст за двенадцать. Бубин там оказался.

Идет пьяный к нардому, толпа стоит, девки, ребята знакомые. Показалось Бубину, что посмотрели на него со смехом. Выхватил из кармана „наган“, на них бросился с ревом:

— Р-р-раз-з-зойдись!.. в бога мать вашу!..

— Робя, што он?.. Давай, наутюжим,—предложил кто-то.

Рассвирепел Бубин еще больше, в ухо наганом с'ездил ближайшему. Избили, конечно, потом связали и домой отправили. Целую неделю ходил за наганом—едва выпросил.

Опомнился после этого Бубин немного, пить перестал — как-будто на все дело рукой махнул, но чуялось, что затаил он в душе думу какую-то мрачную, тяжелую.

Бывают такие люди, которым душу хоть сохой взврати — наружи в глазу не заметно, только спяна что ежели или под конец уже вспылит, так берегись небо.

Сидит Бубин в совете, правит дела привычно, больше все святочные. Сегодня одних браков шесть было, а секретарь в вик уехал, все самому надо.

Вот и последняя пара. Один, никого нет, задумался — об Надьке без слов вспомнил. Бывает так иногда, что иное без мыслей, без слов вспоминается.

Вспомнил, в окно взглянул, и видит — от большой дороги к совету мерин карий свернул. Сбруя праздничная, в санках городских Козырь с Надькой, радостные.

И тут ничего Бубин, головой мотнул только — дескать, а-а, вы — ладно...

Вошли в совет они радостные, бодрые, у Надьки в глазах любовь, а заметила взгляд от стола тяжелый, — ресницы чуть дрогнули, вспыхнула.

Козырь на стол документы важно: распиши, мол.

Не взглянул Бубин на Козыря, стол открыл, наган вынул, поиграл им, подумал, блеснули глаза зеленою, наставил наган через стол в лоб Надьки — и что из кремня высек:

— Расписывайся со мной! Нет?..

Расписалась.

Опешил Козырь, опомнился, мотнул головой, обрез за пазухой потрогал, — со стены ему надпись кричала: „Председатель“, из рамы портрет косо глядел, тюрьма перед глазами городская знакомая выплыла серой громадой. Посмотрел он на Надьку и Бубина и угрюмо вышел.

Огрел на улице возжей карего, ввалился в сани и выкрикнул дико: — Эй!... ты!.. шевелись!.. раздолбал!..

По большой дороге барышники с ярмарки ехали — три лошади впереди тройкой и три на поводу сзади.

Козыря конь захрапел, в тройку уперся.

В санях у барышников весело, пьяно — с ярмарки.

— Отворачивай! — крикнул Козырь, из обреза на сани целясь.

— Вот еще, сам отворачивай!

— Отворачивай, в душу мать вашу!..

У барышников из саней раньше цокнуло, потом — Козырь. Коренник у барышников, мотнувшись, взвился и сразу на пласт лег. Карько Козырев, обезумев от кнута чужого, убродом вынес к дому. Дома мать и родня, сполошно хватая иконы и хлеб с солью, жениха с невестой встречать вышли.

Козырь лежал в санях с головой на двое раскрытой, а рядом — топор кровавый.

Так против воли Надька и стала Бубиной. Плакала украдкой — жаль Козыря было, домой к отцу одна бегала. Егор с Бубиным не мирился и зятем считать не думал. Жаль старику было — заклад пропал у Козыря, рублей на полсотни, отданных из последнего, да и недолюбивал Бубина. В голове кудлатой Егора закал старый куда был крепок.

Деревнями ходили слухи разные по делу этому—больно Егора тревожили: пытал старик Надьку.

Бубин каждый день приходил из совета расстроенный—в совет вести неслись неважные, а однажды, как передали ему, что Егор-де все узнал от самой Надьки, в суд подал, —прибежал Бубин домой зверь-зверем. Надьки не было—успокоился, а вечером, когда спать легли, напрасно ждала Надька от мужа ласки; с первых дней ее редко видела—и не дождалась: надернул он зло одеяло и проговорил глухо:

— Ежели ты, сука, скажешь, что не добровольно со мной расписалась,—гляди!

В эту ночь Надька сбежала от Бубина.

Через год, в эту же ночь, в пивной,—Надька скандалила в городе.

Через месяц Бубин был арестован.

Жизнь—это речка Крутогорка, так вот течет тихонько, бурлит, журчит, движется, а то закрутит, замутит и понесет дрянь ни-весть какую.

Жизнь—это речка Крутогорка: берега новы, а люди как будто все те же.

Эх, братцы!..

Николай Гладилев.

На электростанции.

А здесь—
Наше последнее слово!..
Может быть, правнук,
С наукой
Споря,
Новый покажет мир.
Может быть,
Мы—
Бьемся
Только из-за того,
Что не знаем
Вовсе
Легких эфира волн.
Им,—
Нашим потомкам,—
По-своему делать
Свое.
Но—
И они вспомнят
Динамо-машинное бытие.
Этим, ведь, этим стержнем
Цивилизуем
Невежество и наготу.
Точку за точкой кернер
Отвоевывает темноту.
Крепкий фундамент
И воля
Верных, здоровых людей
Приведут в поле
Социалистических идей.
Тут-то
И вспомнит правнук
Наших машин ряд.
Вот они—
На электростанции плавно
О будущем говорят.

Н. Тоцаков.

Комсомолец - поэт.

Комсомолец, Ваня Лузнев, ударился в поэзию. Музы не давали ему покоя. Однажды его так „приспичило“, что он „разродился“ следующим стихотворением, посвященным, видимо, своей дульцинее (сохраняем полную неприкосновенность орфографии):

„Посещ. (?) Л. Благовещенской“.

Я Вас люблю.

Вы скоро меня позабыли
А я не забуду тебя
И карие Ваши глазенки
Забуть не могу не когда
Тяжко по Вам я страдаю
Только мечтаю о Вас
Вспомните первую встречу
Обещали Вы все для меня
Теперь что с тобою случилось
Не хочешь меня приласкать
Ты хочешь меня по губить.
Вы сами когда-то мечтали
Хотели женой моей быть
Но нет не вернуть того время
Так будьте счастливы с другим
Любите того кто Вас любит
И бросьте меня на всегда
Прощайте же карие очи
Я больше писать не могу.

Ваня Лузнев“.

Эх, Ваня, Ваня! И тут-то своего придумать не мог!.. Забыл разве?
Припомни:

«Ты скоро меня позабудешь,
А я не забуду тебя.
Ты в жизни полюбишь, разлюбишь,
А я никого, никогда»...

Брось, дорогой Ваня, все эти любовные стишки, да купи себе грамматику и политграмоту, а то в следующий раз сочинишь, пожалуй, еще «новое» стихотворение, в роде такого например:

«Понапрасно, Ваня, ходишь,
Понапрасно пятки бьешь,
Ничего ты не получишь,
Дураком домой пойдешь»...

«Хорошо ласточку поет, журавля — на сосне».

„Из молодых да ранний“. На курсах сельских администраторов обучался. Не какойнибудь завпред, который общественности не понимает. Такой шустрый парнишка — удивительно!

На окронтору — нуль внимания! Общие положения — наплевать! Не для меня, мол, законы писаны.

Да вот — судите сами...

Не понравилось сельскому „администратору“ обязательное для всех прочих положение, что с реорганизацией почтовой связи, почтовые агентства, где нет технических установок, помещаются в квартире заведывающего агентством, за его собственный счет...

Рассердился парень на такие „непорядки“ и пишет в Омутнинскую окронтору такое официальное „отношение“:

„Омутнинскому завконту.

Хорошо ласточку поете, журавля на сосне. Срочно сообщаете. За предоставленное Викоом помещение под агентство взимается арендная плата 5 руб. в месяц, каковые прошу высылать, не считая своей квартирой, невысылка денег — почта окажется в самом сугубом (!?) положении, или я буду вычитать из переводных сумм“.

Отношение сие своей сельско-администраторской ручкой подписал бывший курсант Вологодских курсов, ныне заведывающий агентством Бисеровским, Омутниковского уезда, Шуклин.

Шустрый парнишка! Так и режет, так и режет! „Хорошо ласточку поет, журавля — на сосне“.

Допоешься ужо, парень!

А ежели „будешь вычитать из переводных сумм“, то не окажешься ли ты, парень, в весьма „сугубом“ положении?

„Аргументы“.

При сокращении штатов в Управлении Сев. Округа Связи, был назначен к перемещению в Архангельск делопроизводитель Томилов, как человек холостой, могущий переехать туда без больших расходов и хлопот.

Рассердился делопроизводитель Томилов — и хлоп в РКК заявление!

„Очевидно, — пишет делопроизводитель Томилов, — рабочком подходил к вопросу о моем сокращении, главным образом, с этой стороны, а относительно меня, как работника, с этой стороны не рассматривали“...

Ай-ай-ай! И как не стыдно рабочкому! Почему же „его“ „с этой стороны не рассматривали“... Взять бы да и рассмотреть...

Есть и еще один аргумент:

... „Теперь относительно моего семейного положения: благодаря, очевидно, несчастного стечения обстоятельств, что я до сих пор не женат, и не имею кучу детей, за время моей службы в ведомстве с 1916 по 1925 год, я уже был перемещен восемь раз“...

Ведь, вот, право, какая несправедливость: почему бы и не учесть „семейное положение“, которое сложилось „благодаря, очевидно, несчастного стечения обстоятельств“...

Разве делопроизводитель Томилов виноват?

Виновато тут „несчастное стечение обстоятельств“... Кабы не это „стечение“, может быть, у делопроизводителя Томилова была бы дюжина ребят...

Тогда бы вы не смели его трогать...

Смекнул.

Получает раз завпред Ванданского почтового отделения, Котельничского уезда, десять экземпляров „Крестьянской газеты“, для распространения, и думает:

„Что с ними делать? Разве можно в неделю все это продать? И для чего это выдумали?... Ну да ладно... смекну чтонибудь... авось в воскресенье и продам.“

Но в воскресенье было некогда. Так эти десять экземпляров и остались у завпреда.

Не долго думая, вынимает завпред кошелек и... шлет в Москву белокаменную свои деньги.

После этого, спустя некоторое время, летит из Москвы уже двадцать экземпляров.

Почесавши затылок, завпред сказал:

„Подумать только... на целый десяток увеличили... ну да ладно, не так уж дорого стоит, куплю еще раз—не будут-же высылать до бесконечности... да к тому же—пятнадцать процентов скидки, а бумага по хозяйству всегда пригодится.“

Снова вынимает кошелек и опять переводит деньги в Москву белокаменную.

Прошло несколько времени. И вот поступает с почтой на имя завпреда уже сорок экземпляров.

„Ну, думает завпред, пропала моя головушка... В следующий раз, значит, восемьдесят вышлют“...

Завпред и голову повесил, призадумался.

Но на его счастье—двухнедельный отпуск подходил—приехал к завпреду заместитель.

Стал жаловаться ему завпред на это наказание божие.

„Чудак человек,—сказал заместитель,—ведь, ежели в следующий раз тебе восемьдесят штук закатят, так в дальнейшем гони монету на сто шестьдесят... этак жалованья твоего на „Крестьянскую“ не хватит. Не покупать надо, а продавать, голова содовая... Нажить еще можешь на этой комиссии, заработок будешь иметь.“

„А и верно, ведь!—удивленно воскликнул завпред,—как-же это я раньше то не догадался... вот, ведь, статья-то какая... а мне и невдомек.“

„Дискуссия“.

В Санчурском потельотделении—„дискуссия“.

Выдвигаются две теории: один высказывается, что вообще в жизни первенствующую роль играют правота и энергия, а трое других, в противовес этому, выставили силу.

Инициатор и активнейший участник „дискуссии“—боксер Шведов. Другой—бывший унтер-офицер лейб-гвардии полка его величества, санчурский завпред Охотников. Третий—бывший матрос Балтийского флота Китаев.

Все эти трое участников „дискуссии“ выступали в защиту силы и лишь четвертый—Рыбаков—очень маленький и щедедушный человек—кушнурский завпред—осмелился выступить в защиту правоты и энергии.

Надумали вопрос разрешить практически—выйти в рукопашную борьбу одному, защищающему правоту и энергию, против троих, защищающих силу.

„Дискуссия“ началась. Боксер и унтер-офицер надвинулись на щедедушную „правоту и энергию“—т. Рыбакова. Матрос Китаев оставался в резерве.

Результаты „дискуссии“:

Распростертое на полу тело щедедушной „правоты и энергии“, с пораненой рукой, а на нем—восседают две очень внушительных „силы“.

До каких только „дискуссий“ не додумаются наши провинциалы.

Невольно скажешь по адресу повергнутой в прах „правоты и энергии“:

„Вы жертвою пали в борьбе роковой“...

Сатур.

Отзывы о стенных газетах.

„Красная Связь“—стенгазета работников Онежской пельтоконторы. 30 июня 1925 г. № 2.

Хотя в заголовке стенгазеты над зарисованным земным полушарием и написано: „СССР“, но это еще не значит, что в заголовке не надо указывать—где именно на территории СССР и кем стенгазета выпускается. Хотя об этом и сказано в самом конце стенгазеты, но там этому не место: не каждый читатель рассмотрит эту пометку на последнем плане.

В отношении № 1 мы уже говорили, что надо бы онежанам изменить одноименное с вологодской стенгазетой название: „Крас. Связь“.

Расклейка материала на толстом листе бумаги придает газетке неряшливый, вид—газету коробит клеем. Писали мы об этом десятки раз и по адресу других стенгазет. Со всем не следует бумагу (материал) наклеивать еще на бумагу. Стоит только, аккуратно, столбцы текста склеить между собой с противоположной стороны—и делу конец.

Как самый заголовок стенгазеты, так и заголовки статей исполнены тяжеловато. Заголовки заметок можно изображать и не в таком объемистом виде, как третья-четвертая часть всей заметки. Лучше поменьше, но почище.

Заметки тоже длинноваты—от 15 до 20 широких строк каждая. Жирные красные каймы, отделяющие столбцы, тоже надо умень-

шить раза в два, а то и совсем не малявать этих кайм, ограничиваясь обыкновенными черными линиями.

Шрифт пишущей машины—довольно четкий. Грамотность подвинулась вперед. Что касается содержания, то оно заключается в следующих девяти статейках: „Еще о производительности труда“, „О легкой работе“, „О перевыборах рабочкома“, „О газете“, „Письмо от краснофлотца“, „Из жизни моряка“, „День краснофлотца“, „В тупике“ и „Примерный“. Только две последних маленьких заметки относятся к местной жизни и быту—последние отражены в стенгазете совсем слабо.

В статье: „О газете“, между прочим, читаем: „мало интересуются стенгазетой особенно комсомольцы нашего союза, она как будто для них чужда“...

„Хорошо еще ребята краснофлотцы подержали, а то и сейчас бы не вышел № 2. У нас много говорят, а мало делают... писать как-будто дело не наше“...

А вы сделайте так, чтоб газета не была чужда комсомольцам, чтоб выпускать газету было дело членов всего коллектива. Тогда газета сразу далеко шагнет вперед.

„Голос работника Связи“—стенгазета при Советском рабочкоме Связи. 12 сентября 1925 г. № 7.

Стенгазета формат свой переменяла, сменив высоту на горизонтальную длину. Так-то

оно лучше: теперь человек до пяти сразу могут читать стенгазету.

Заголовок бледноват, нет яркости красок.

Первые три статейки хотя и переписаны от руки довольно четко, а все остальные—слишком мелко. Пожалейте, товарищи, глаза читателей. Заголовки статей тоже слишком слепы—лучше изображать их красками.

Грамотность—вполне удовлетворительна. Отдел „Наша Жизнь“ составлен довольно живо. Хотя и преобладают в нем мелочи, но всё-же, до известной степени, отражают местную жизнь.

Во всяком случае, стенгазета на верной дороге—идет по пути совершенствования.

„Наш быт“—стенгазета Архангельского Райрабсочкома Связи. № 17.

Газета не датирована—это один из недостатков ее. Что касается внешнего вида, то, по справедливости,—это самый лучший из всех выпущенных номеров „Нашего быта“. Простой, без рисунка, но художественно исполненный заголовок, хорошая бумага, тщательная раскладка материала, четкие цветные заголовки отделов и заметок, четкий шрифт пишущей машины, хорошо исполненные рисунки к тексту—таков внешний вид „Нашего

быта“. Приятно взглянуть на стенгазету и видеть большие достижения архангельских работников.

Коротенькие передовички: „Своими силами“ (о переоборудовании нашей промышленности), „Политграмота и общественность“ и „Наше шефство“ затрагивают самые злободневные вопросы. Отдел „Союзная жизнь“ коротко, без лишних слов, информирует о союзной работе. Отдел „На производстве“—очень богатый отдел—отмечает все мелочи нашего производства, наше житье-бытье. Богат по содержанию и отдел „Курьезы“, с хорошо исполненными рисунками. Он вносит большое оживление. Но надо сказать, что разбивка на отделы в этом номере сделана не совсем удачно: такие заметки, как „Гримасы НЭПа“, „Ускорьте ремонт“, „Просчитываются“,—нельзя отнести к области курьезов. Лучше было бы поместить их в отделе „На производстве“.

Есть в стенгазете даже небольшой отдел „Уголок молодежи“. Этим отделом и заканчивается стенгазета.

Если и встречаются в стенгазете некоторые шероховатости в отношении литературности, то они выкупаются живостью изложения.

К.

ХРОНИКА.

О подписи членов союза в членских билетах. Постановлено: установить обязательную собственноручную подпись каждого члена союза в его членском билете.

ЦК союза предложил дать соответствующие указания членам своего союза.

Административный съезд. На 14-е декабря назначен созыв съезда администраторов ведомства Связи в Москве. Помимо наокров в съезде примут участие наиболее активные завпреды, инспектора уокров, статистики и др., всего в колич. 110 человек.

Работы съезда предполагается окончить в 7 дней.

Новая номенклатура сметы НКПиТ. Приходо-расходная смета Наркомпочтеля на 1925—26 бюджетный год составлена по новой номенклатуре. Все расходы сгруппированы в 9 параграфов. В связи с этим все кредиты, имеющие отношение к заработной плате, сосредоточены в § 1, разделенном на 10 статей: 1) основная зарплата центра, 2) управлений округов, 3) местных предприятий, 4) спецдежда, 5) командировки и перемещения, 6) содержание работников, 7) профтехническое образование, 8) улучшение быта, 9) соцстрах и 10) пенсия Белоцветовой-Подбельской. Заработная плата телефонных работников, проходившая в минувшем году по § 16, также перенесена в § 1, но отдельными от почты цифрами.

Повышение таксы на простое письмо. Коллегия НКПиТ постановила повысить таксу на простое письмо за первые 20 гр. с 7 до 8 коп. Соответствующее постановление вносится в Совнарком СССР. Вместе с тем постановлено сократить, по возможности, льготы, предоставленные клиентам и контрагентам НКПиТ.

О сокращении телеграфной переписки. С целью сокращения телеграфной переписки, округам Связи предложено представить в НКПиТ список донесений по телеграфу, установленных для подведомственных предприятий. Списки эти, вместе со списками телеграфных донесений, установленных отделами НКПиТ, подвергнутся детальному пересмотру.

Расчет по позаймствованиям для сберкасс из переводных сумм. НКПиТ возбудил перед Главным Управлением сберегательных касс вопрос о возмещении позаймствований из переводных сумм на операции сберкасс, когда эти позаймствования в предприятиях с малой деятельностью достигают суммы в 500 р., так как ныне установленный предел в 1.000 р. на слишком продолжительное время сокращает запас переводной наличности и тем затрудняет своевременную выплату переводов.

К новому коллективному договору. Срок действующего колдоговора истек 1 октября,

в виду чего Наркомпочтелем ведутся работы по подготовке к заключению договора на новый срок. Все полученные от округов замечания систематизированы и подверглись обработке в особой комиссии, после чего поступают на согласование с Цека Связи. Заключение нового договора ожидается в июбре.

О мерах предосторожности при работах. Наркомпочтелем отпечатана и рассылается «Инструкция о мерах предосторожности от несчастных случаев при работах на телеграфных и телефонных линиях».

Фонд на содержание личного состава управлений округов. Сметой на 1925—26 бюджетный год предусмотрен отдельной статьей расход на содержание личного состава управлений округов.

В виду этого кредит на эту надобность будет отпускаться отдельно от общего фонда зарплаты, и отчеты по расходованию этого кредита должны представляться также отдельно, при чем расходы на содержание личного состава телефонного отделения следует показывать отдельно.

Средняя ставка в 4 квартале. По предварительным данным, средняя ставка работников почты и телеграфа в 4 квартале выражается в сумме 44 р. 20 к. червонных. В переводе на бюджетные рубли по индексу на 1 сентября это дает 23 р. 50 к., или 53% средней довоенной ставки.

Обеспечение инвалидов труда. ЦИК и СНК СССР издано новое постановление о порядке обеспечения инвалидов труда и членов семейств умерших или безвестно отсутствующих застрахованных и инвалидов труда. Согласно этому положению, правом на обеспечение по инвалидности в порядке социального страхования пользуются все рабочие и служащие в случае потери трудоспособности: а) вследствие увечья или заболевания и б) вследствие старости. Правом на обеспечение вследствие старости пользуются лишь те потерявшие трудоспособность, которые находятся в возрасте не менее 50 лет и проработали по найму не менее 8 лет. Заявление о назначении пенсии по инвалидности должно быть подано в течении 2 лет со дня прекращения работы по найму или прекращения выплаты пособия по временной нетрудоспособности, однако, органам социального страхования предоставлено право назначать в отдельных случаях, в зависимости от обстоятельств дела, обеспечение и тем инвалидам труда и семьям, потерявшим кормильца, которые по уважительным причинам пропустили указанный выше срок. Особенно следует отметить, что пенсия или иное, заменяющее ее, обеспечение назначается инвалиду труда со дня подачи им в орган социального страхования заявления, и, наконец, что при определении права на пенсию и размеров ее не подлежат учету доходы и за-

работки инвалидов труда, утративших трудоспособность вследствие увечья, полученного в связи с работой по найму, или профессионального заболевания, а также членов семейств лиц, умерших по той же причине. Инструкция по применению этого постановления будет издана Союзным Советом Социального Страхования.

Пособие по временной нетрудоспособности. Вызывавшее много неудовольствий понижение размера пособий по временной нетрудоспособности для коечных больных, семейных на $\frac{1}{6}$ часть заработка, а одиноких на половину, с 1 октября отменено, и пособия будут выдаваться в размере полного заработка. Равным образом отменен и максимум дневного пособия 5 руб. и пособия будут выдаваться в зависимости от фактического заработка потерявшего трудоспособность работника.

Размер пособий инвалидам труда. Существовавшая до сего времени норма пенсии для инвалидов труда 1-й категории — $\frac{1}{3}$ средней заработной платы данной местности, согласно принятому Цустрахом постановлению, начиная с 1-го октября, увеличивается до $\frac{2}{3}$ средней заработной платы. В соответствии с этим увеличивается и размер пенсий для инвалидов остальных категорий.

Увеличение пособий безработным. Цустрахом принят проект увеличения пособий безработным, согласно которому, помимо расширения круга обеспечиваемых по безработице до 400.000 человек, устанавливается надбавка к существующим пособиям, для семейных безработных с одним иждивенцем — 20%, с двумя — 30%, и с тремя — 50%. Мероприятие это проводится с 1 октября.

Оплата командировок. НКТ СССР согласовал с ВЦСПС проект постановления об оплате командировок. Продолжительность командировки, согласно этому проекту, не может превышать 2 месяца в пределах СССР на европейской территории и 3 месяцев в пределах СССР на азиатской территории. За все время командировки командированный сохраняет за собой то вознаграждение, которое причиталось бы ему за работу в месте постоянной службы. Кроме того, для оплаты всех расходов (кроме проезда и провоза 2 пудов багажа) устанавливаются суточные в зависимости от размера заработка: лица, получающие до 60 руб., получают 5 руб. в сутки, от 61 до 90 руб. — 6 руб., от 91 до 120 руб. — 8 руб., от 121 до 150 руб. — 10 руб., от 151 до 225 руб. — 13 р., от 226 до 300 руб. — 17 р. и свыше 300 руб. — 20 руб. При командировках в отдаленные местности устанавливается дополнительная надбавка в 25, 50 и 75% — в зависимости от места командировки. Суточные исчисляются по фактическому числу дней командировки, не исключая дней отдыха и праздничных.

Радиолюбительство. В этой работе особо важное значение имеет Общество Друзей Радио, которое, согласно последним директивам ЦК РКП (б), должно территориально объединять радио-любительское движение на местах.

Имея в виду, что сеть почтово-телеграфных предприятий, кольцевой почты и т. д., разбросанная по всей территории Союза СССР, является орудием распространения культуры в самую глубь деревни, работники же Связи—прямыми ее проводниками, ЦК Связи и ОДР рассчитывают, что в деле развития и распространения радиолюбительского движения работники Связи займут одно из первых мест. Для этого рекомендуется всем организациям союза обратиться внимание: 1) на содействие по снабжению радиоприемниками всех заинтересованных организаций и учреждений и рекомендацию среди населения соответствующей литературы и 2) на оказание содействия организации радиолюбительских ячеек ОДР среди населения, особенно среди крестьянства.

За всеми организационными материалами и по вопросам установок радиостанций нужно обращаться в Общество Друзей Радио Москва, Никольская, 3.

О порядке приема на работу сельписьмоносцев. По решению НКТ, сельписьмоносцы принимаются на работу по индивидуальным гражданским договорам и страховать не должны.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Баракину—В «Воспоминаниях»—совершенно ничего нового, ни одного слова. Если общаются некоторые факты, то они довольно обстоятельно напечатаны раньше.

Дудорову—Вы сочинили такое, например, четверостишие:

„В Лебяжском агентстве почтовом
Суета стоит весь день,
Народу столько побывает
Нехватает сил чтоб перечесть“.

Откровенно говоря,—у нас тоже «нехватило сил» дочитать эти стихи до конца. Бросьте, товарищ! Прилягте-ка лучше на грамоту.

Заметку «Каждый день завтра»—помещаем.

Скородумову—Ничего залуживающего внимания и интереса в Ваших «Воспоминаниях» мы не нашли.

Ване Лузневу—Мы уже поместили одно твоё стихотворение «Я вас люблю» в «Курьезах жизни и быта»—и довольно! Хорошего понемножку. А впрочем, одно четверостишие

О ликвидации задолженности по § 5. ЦК Связи предложило НКПТ погасить в кратчайший срок задолженность по § 5 по всем округам, предупредив, что в противном случае Облправсвязи вынуждены будут прибегать к суду.

О распространении комиссионного вознаграждения за операции по п.-т. сбергкассам. ЦК Связи установил размер отчислений за операции по сбергкассам в следующем размере: НКПТ—5%, и в центральный фонд улучшения быта—15%, всех отчислений по сбергкассам.

Изменения в составе президиума Северного Облправсвязи. В виду ухода в ряды Красной Армии т. Николина, в президиум введена член пленума т. Корыхалова. В рабочий аппарат президиума введён т. Рыбаков, с возложением на него обязанности секретаря и заведывающего культотделом. Должность инструктора, вместо т. Рыбакова, занял член президиума т. Белов.

Пере выборы союзных организаций. 1-м окружным съездом в В.-Устье состав отделения союза избран из следующих т.т.: Поталов, Корзников, Елькина, Попова К. В., Абабков, Полосков А., Рыкованов, Аруев В. и Попова К. К.

Новый состав рабочкома при Вологодской конторе: Яблоков (председатель), Петухов (секретарь), Белов, Смирнов А., Степанов, Скворцова, Иванов Н., Копытов, Жилина, Суворов и Чернышев.

поместим, пожалуй, из «Размышлений поэта-работника»:

„Разбросавши он газеты,
Пыл полный нос набил.
Целый день вот так он обит
И угореть тут не дивья“...

С таких стихов тоже «угореть не дивья».

Заметку о запозданиях почты направили в округконтору.

Иксу Игрековичу Зётову—«Ключ к азбуке Морзе» не пойдёт. Все эти мелочи—местного значения, широко интереса не представляют.

Фите—Заметка «Новый завтель»—мелочна и тенденциозна. Все факты, приведенные Вами, — сплошь отрицательного характера, а Ваша стенгазета находит совершенно иные, характеризующие завтеля с хорошей стороны. Другая Ваша заметка «Вновь за работой» направлена в Округотделение, для использования практич. предложений, какие Вы вносите.

Юридическая помощь для работников Связи.

В семейной и общественной жизни работников учреждений Связи, разбросанных на обширной территории Северного Округа, часто встречаются вопросы, требующие юридической помощи, совета лиц, близко соприкасающихся с советским законодательством.

Работники мест, порой совершенно не зная даже основных законов Республики и часто не имея возможности, благодаря своей отдаленности от культурных центров, получить скорые исчерпывающие ответы на свои запросы, конечно, не могут знать точно не только своих прав и обязанностей, как граждан Республики, но и обязанностей последней по отношению к ним.

В результате работник нередко, из-за своей правовой неграмотности, впадает в ошибки, сопровождаемые впоследствии целым рядом деяний и поступков, влекущих за собой судебное преследование.

Не отдавая себе отчета о всей целесообразности и стройности революционных законов страны, направленных к защите интересов трудящихся, работники, в одном случае, смотрят на закон, как на нечто далекое и чуждое ему, в другом — как на что-то только карающее, а не преследующее нравственных исправительных целей. Рост волны злоупотреблений с ценностями в предприятиях Связи настоятельно диктует необходимость по внедрению в широкую массу членов союза, хотя бы элементарных знаний советского права, ибо только при условии знания последних работник Связи сможет вполне точно и ясно отдать себе отчет в своих поступках, со всеми вытекающими по ним последствиями.

Необходимость в юридической помощи для членов союза назрела и стала вопросом ближайших дней.

В этих целях организовано при Облправсвязи „Бюро юридической консультации“ для всех членов союза Связи и их семейств.

Согласно выработанного плана, „Бюро юридической консультации“ преследует цели: оказание членам союза в пределах Северного Округа бесплатной юридической помощи советами по всем отделам советского права (гражданского, уголовного, земельного и т. д.), как путем устных или письменных разъяснений отдельных вопросов, так и путем составления для них надлежащих бумаг, направляемых в те или иные учреждения. Кроме того, „Бюро юридической консультации“ в черте города Вологды принимает на себя бесплатную защиту на суде не только служащих из членов союза, но и их членов семьи, проживающих совместно.

Не желая замыкаться в узкую ведомственную организацию, и в то же время учитывая выдвинутый XIII-м Съездом партии лозунг „Лицом к деревне“, Бюро преследует также цели создания, чрез сельских работников Связи, определенной общественной атмосферы в деле внедрения в сознание трудящихся крестьянских масс начал революционной законности и правового просвещения. Для этого Бюро наметило своим планом установить тесную связь с работниками „передвижек“, с тем, чтобы вопросы и справки крестьянам в области советского права, не могущие получить разрешения по каким-либо причинам на месте, разрешались и информировались Бюро.

Идя навстречу этому начинанию, предоставлено право членам Союза бесплатной пересылки запросов в адрес „Бюро юридической консультации“ при Северном Облправсвязи.

В. Воробьев.

Всем союзным организациям и всем членам союза Связи.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

В настоящее время уже открыта подписка на союзный журнал „Пролетарий Связи“ на 1926 г., а потому всем союзным организациям предстоит сейчас же провести широкую кампанию среди членов союза за вербовку подписчиков.

В отношении улучшения журнала Пленум ЦК Связи наметил ряд мероприятий—уделять в нем больше внимания поступающему в редакцию рабкоровскому материалу, увеличить количество иллюстраций (рисунков, фотографий и пр.), усилить освещение в журнале союзной деятельности и движения работников Связи в других странах, помещать научно-популярные статьи, рассказы, стихотворения и пр., развить отдел юмора и т. п.

Разумеется, что все эти нововведения значительно удорожат издание, а потому ЦК Связи признал возможным допустить повышение подписной платы на 1926 год.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Для учреждений и организаций на год (24 №)	4 р. — к.
„ работников Связи и уполномоченных:	
„ „ „ „ на год (24 №)	3 р. 60 к.
„ „ „ „ на 6 мес. (12 №)	1 р. 90 к.
„ „ „ „ на 3 мес. (6 №)	1 р. — к.
„ „ „ „ на 1 мес. (2 №)	— р. 40 к.
Цена отдельного номера	— р. 20 к.

Годовым подписчикам предоставляется рассрочка: при подписке—половина платы и вторая половина—к 1-му мая.

Журнал, попрежнему, будет двухнедельным, размером в 3 печатных листа (48 стр.), формат его будет увеличен.

Подписную плату следует направлять одновременно с заказом.

Так как в 1925 г. были недоразумения с получением журнала работниками, подписавшимися или выславшими подписную плату через агентов Отделения подписки, то подписную плату на 1926 г. следует направлять исключительно по адресу редакции: Москва. Солянка, 12, Дворец Труда, Редакции журнала «Пролетарий Связи».

Подписка допускается как по индивидуальным адресам, так и коллективно.

В работу по вербовке подписчиков, помимо союзных организаций, следует также вовлечь и делегатов на предприятиях, культкомиссии и рабкоров.

Дабы редакции возможно было точно определить тираж на 1926 г., заявки на потребное количество экземпляров журнала необходимо направлять заблаговременно, примерно к 20 декабря.

О ходе и результатах подписки на местах просим информировать редакцию «Пролетария Связи», для помещения этих сведений в журнале.

Не забывайте, товарищи, что благополучие союзного органа и его намеченное улучшение зависят от достаточного количества подписчиков. Долг каждого сознательного члена союза—подписаться на «Пролетарий Связи» в 1926 году.

С товарищеским приветом

Президиум Облправсвязи.